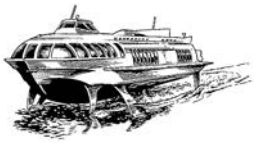
Игорь Братченко

БРЕЗЕНТОВЫЙ ПАРУС ИЛИ КАНИКУЛЫ В АСТРАХАНИ

повесть
проза



Астрахань
2019

ББК 80/84
Б — 20037

Братченко И.В.
Брезентовый парус или каникулы в Астрахани: проза, повесть. Астрахань: Астраханское отделение Союза писателей России, 2019 г. — 144 стр.

Автор этой книги – уроженец Астраханской области. Долгое время проживавший за пределами России – в Казахстане. «Брезентовый парус или каникулы в Астрахани» книга о светлом и добром. Книга о доброте и любви щедро полученным в детстве и сопровождающих человека всю его жизнь, как камертон настраивая на правильный лад его душу.

ISBN 000-0-0000000-0-0

© Братченко И. В., 2019.
© Астраханское отделение Союза писателей России, 2019.

О ПОВЕСТИ

«Жизнь астраханского понизового села позднего советского времени – стержень повести «Парус». А видит её автор глазами школьника, «сосланного» на всё лето к бабушке. И латанный-перелатанный брезентовый парус на бударке – не больше, не меньше, как символ ушедшей эпохи. Той эпохи, где по Астрахани лениво громыхали трамваи, а по Волге носились «Метеоры» и «Ракеты», где в ловецких селениях доживали свой век династии настоящих рыбаков, где на земле, освобождённой половодьем, сажали картошку, а на старых куласах и бударках ходили на острова за ежевикой. Что не говорите, а ностальгия – светлое чувство… Грусть по безвозвратно утраченному прошлому, по размеренной и спокойной жизни – у многих коренных астраханцев ворохнётся она в душах после прочтения повести Братченко».

Юрий Щербаков,
председатель Астраханского отделения
Союза писателей России:

«Повесть о похождениях героя-подростка, прототипом которого отчасти стал сам автор, увлекает и кинематографичной манерой изложения, как это было отмечено в предисловии к книге Председателем Астраханского Союза писателей России Ю.Н. Щербаковым, и оригинальным неизбитым сюжетом, и умением смотреть на мир глазами подростка. Я отношу эту повесть к явным авторским находкам, а её автора считаю продолжателем лучших традиций астраханской прозы. Лично я прочла эту книгу взахлёб! Всё сетовала, что в Астрахани нет продолжателя традиций Юрия Селенского. Астрахань глазами 20-30-х годов сорванца Гошки Потехина («Не расти у дороги») продолжил автор «Брезентового паруса», передавший неповторимую атмосферу нашего города 70-х также глазами подростка, старше-

классника Славки. Честно говоря, давно в нашем городе не выходили книги прозы, которые хочется не только прочесть от корки до корки. К книге повести и рассказов Игоря Братченко хочется возвращаться и перечитывать».

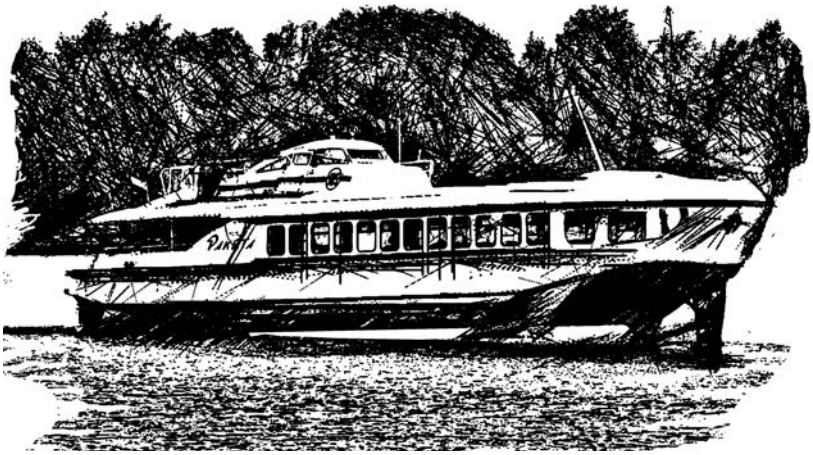
Дина Немировская,
поэт, литературовед

ОТ РЕДАКТОРА

Вам хотелось когда-нибудь вернуться в детство, в тот самый период, когда оно вот-вот покинет вас, и начнётся серьёзная взрослая жизнь? А так не хочется взрослеть, хотя и знаешь, что надо… Откройте эту книгу, и к вам вернётся всё то, что с годами уходит порой безвозвратно. Вы снова услышите пение птичек поутру, снова сквозь листву деревьев будет играть с вами солнышко, и так не хочется рано вставать… Но добрая бабушка уже зовёт кушать необыкновенно вкусные пирожки, а на столе вкуснейший хлеб, какой пекут только в сельской пекарне. Зря думалось, что скучища ждёт вас в селе на каникулах. Наоборот, столько важных дел, столько забавных приключений могут случиться с вами в это лето. А вместе со всем этим приходит мысль, что вот-вот всё это кончится, взрослая жизнь подступает всё ближе, и пора задуматься: кто ты и что ты в этом мире, куда поведёт тебя твоя тропинка во взрослой жизни? И этот прекрасный мир детства, словно созданный специально для тебя, каким он будет в той, взрослой, серьёзной жизни? А каким станешь ты?

Но всё это будет потом… А пока ты плывёшь с любимыми бабушками в лодке под брезентовым парусом, посреди которой дымит старенький самовар. Со встречных лодок машут вам руками, приветствуя вас, и так много всего ещё ждёт впереди…

Вера Саградова



ИЗ ШЕВЧЕНКО В АСТРАХАНЬ

Ещё целый час и двадцать минут мне торчать в этом аэропорту, ожидая вылета. Притом, регистрацию ещё даже не объявляли. Торопись, опоздаешь… Вечно так! Мама поторапливает: «Опоздаешь! Живее-живее собирайся! Только до аэропорта тебе сорок минут ехать! А пока до остановки дойдём, пока автобус дождёмся…». «Лучше перебеспокоиться, чем недобеспокоиться!».

Ну, вот и приехал. Броди теперь тут с сумкой. Плавься здесь от жары. Хорошо, что у бабушки не будет такого зноя – там сад, река и совсем нет асфальта и камней, от которых веет пеклом…

Вхожу в зал ожидания. Похоже, что все кресла в обоих залах заняты. Сидят, лежат… Одним словом – вокзал… Послонявшись меж рядами в поисках свободного местечка, прислонился к стене возле самого выхода. Работают кондиционеры. После духоты в автобусе,

где врывающиеся потоки воздуха не приносят облегчения, а на зубах от них скрепит песок – здесь класс! Просто восторг. Дышится полной грудью. Если б только не эта толчея, да плачущие дети. Хаос, как в школе – крики, визги. Только устаешь от царящего напряжения и ожидания больше, чем от уроков. Наблюдать за людьми интересно, но мне эта толкотня изрядно уже надоела – постою-ка я снаружи. Неспешно направляюсь к выходу из зала ожидания, по пути обходя чемоданы и баулы пассажиров, ожидающих посадки или регистрации. В раскрываемую дверь дохнуло жаром, как от жерла вулкана, а яркое солнце, отражённое от выбеленного асфальта, стёкол киосков и уличных павильонов, на мгновение ослепило… Я даже подался назад. Но меня тут же толкают в спину: «Вы выходите или нет?» Маленький, лысый и нервный какой-то, с сумкой на колёсах…

Площадь перед вокзалом вся во власти солнца. Жарко, но свободно. В ближайшем киоске купил холодного сока и спрятался в тень. Стою, лениво потягиваю через соломинку живительную влагу. Перед зданием бродят рыжие приземистые коровы, мордами лезут в мусорные урны и жуют там всякую дрянь. Вон одна чокнутая коровёнка возле киоска разделывается с бумажным ящиком… Ну и пищеварение у них! Пассажиры не обращают никакого внимания на коров, как будто им тут место…

Один за другим взлетают лайнеры. Приятно смотреть им вслед. Будто здесь остаётся всё, набившее оскомину, а там – свобода! Там радость нового… Это, конечно, мои ожидания. Как только сяду в самолёт, и

он оторвётся от взлётной полосы, родительская опека останется позади, точнее – внизу, под крылом самолёта… А там, впереди – бабушка… Её не стоит воспринимать слишком серьёзно – она ворчливая, но добрая… Правда, я два года как у неё не был, но не могла же она измениться и стать, например, злой. Это мы, вчерашние дети, изменяемся – растем, взрослеем, умнеем… А старики, как законсервированный продукт, и через десять лет с теми же привычками…

Так, мой рейс… В зале у стойки регистрации уже толкотня. Все нервные, потные — переживают чего-то. Маленькие дети вопят, их мамаши на руках качают, трясут, не забывая ногами подталкивать сумки к заветной стойке с огромными весами. Перевес… Доплатите… На посадку… Я спокойно занимаю очередь и с безразличным видом взираю на всю эту кутерьму. Без нас самолет не улетит.

Проходит ещё немного времени, и приятный женский голос объявляет посадку на самолёт АН-24, вылетающий из аэропорта города Шевченко в город Астрахань. Две стюардессы проверяют наши билеты и приглашают следовать за ними. По бетонной полосе, минуя ТУ с реактивными двигателями, возле которого в этот момент рокотал насосами автозаправщик, мы подходим к нашему воздушному судну. Часть вылетающих кинулась к грузовому отсеку загружать свой багаж, а я и те немногие, что путешествовали налегке, затопали, поднимаясь по посадочному трапу в салон.

Наконец-то суета улеглась, и все расселись по местам. Входной люк закрылся, и через ещё пару минут самолёт начал своё движение, выруливая на взлётную

полосу. Вот он остановился, заняв необходимую позицию, и взвыл двигателями и лопастями, бешено рассекающими воздух.

Сквозь рёв винтов за бортом пробивается голос стюардессы: «Прощу всех пристегнуть ремни безопасности и не перемещаться по салону до полного набора высоты…» Усилившиеся обороты двигателей окончательно заглушили объявление. Самолет затрясся. Казалось, ещё чуть-чуть и развалится… Резко вдавило в кресло – мы понеслись стрелой по взлётной… Отрыв… соприкосновение… отрыв… Смотрю в окно, как земля удаляется под нами. Стремительно бежит тень самолёта. Шасси убираются. Всё становится маленьким и игрушечным. Тень от самолёта теряется где-то внизу. Самолёт делает крен-разворот. Вот и море засверкало впереди, медленно надвигаясь, заполнило весь горизонт. Редкие облака поплыли под нами. Вокруг звучат приглушённо голоса — уши заложило до неприятного… Но вот и компенсация – стюардесса раздаёт лимонад и леденцы…

За стеклом иллюминатора только бескрайнее море и облака… Солнце миллионами искр отражается в водах. Откидываюсь в кресле и закрываю глаза. Монотонный гуд самолета приглушает сознание, убаюкивает… Будто издалека доносится голос стюардессы… Открываю глаза – вокруг возня… Зашевелились. Прибываем! Дети прилипли к окнам…

«Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги…». Под нами, конечно, не тайга, но очень зелено. Аккуратные прямоугольники возделываемых полей, дороги с бегущим по ним транспортом. Засвер-

кала, извиваясь, река. Волга.

О! Внизу, рассекая воды и оставляя в кильватере волнистый след, скользит белое пассажирское судно на подводных крыльях. Ещё немного, и я сяду в такое же — «Ракету» или «Метеор» и помчусь по мутным волжским водам… Самолёт резко накренивается, выполняя манёвр, и начинает плавное снижение.

Прямо по курсу в иллюминаторе показались узнаваемые очертания аэропорта с бетонными полосами, здание вокзала, самолёты, заправщики… Наш лайнер заходит на посадку – тень его стремительно растёт. Мягкое соприкосновение и взревевшие двигатели… Практически ничего не слышно, но стюардесса что-то говорит, и до нас доносятся лишь обрывки фраз: «до полной остановки…», «не забываем в багажном…», «выхода экипажа» …. Лопасти пропеллера замирают. По салону волной пробежало нетерпение – все посматривают на выход, на свет, падающий из открытого люка.

Пошёл экипаж… Теперь и мы!

На выходе из салона по лицу скользнул ветер, сбивая длинную чёлку на глаза… Ну, спасибо, ветер-ветерок, хорошо же ты встречаешь гостей! На ходу поправляя взлохмаченные воздушным потоком волосы, спускаюсь по трапу на астраханскую землю.

Стюардесса останавливает рвущихся идти к зданию вокзала.

— Граждане пассажиры, не расходимся — сейчас прибудет транспорт, который нас доставит к зданию аэровокзала. Ждём, товарищи, ждём.

Мне видно, как от вокзала в нашу сторону направ-

ляется объявленный стюардессой транспорт. Минута, и он уже возле нас.

— А вот и аквариум прибыл.

Прокомментировал его прибытие молодой, полноватый мужчина с широкой улыбкой на лице.

— Дима, веди себя прилично. – Останавливает его худенькая женщина, видимо супруга. – Не надо так шутить. Тебя не поймут…

Пассажиры загрузились в прибывший транспорт, и мы плавно покатились к вокзалу.

Опережая всех, выскакиваю из этого «аквариума». Два шага, и я в здании аэровокзала. Толпа встречающих, обнимающихся и целующихся. Ловко обхожу все препятствия и иду к автобусной остановке… Ни одного автобуса. Таксисты наперебой предлагают услуги.

— На речной вокзал! – Бросаю сумку в багажник, а сам — на заднее сиденье. Чувствую себя королём, ну… или просто свободным человеком. Да здравствуют каникулы! У меня впереди два с половиной месяца свободной жизни. Ни уроков, ни учителей, ни родителей на горизонте…

Из аэропорта в город дорога прямая и длинная, как «взлётка», и засажена стройными рядами тополей. Такси мчится по тополиной аллее, обгоняя неспешный общественный транспорт, ветер врывается в приоткрытое окно, обдувая и наполняя душу невыразимым чувством свободы и восторга. Я не был здесь целую вечность – весь учебный год и потому смотрю по сторонам с восторгом человека, прибывшего после долгого расставания и теперь наслаждающегося своим присутствием в этом месте, в этом мире. Я насла-

ждался попадавшимися на дороге нам троллейбусами и трамваями, мотоциклами, снующими тут и там, шумом и гомоном этого города. Я счастлив вновь оказаться здесь, в этом городе у Волги, испещрённом водными каналами и изобилующим мостами через них.

Попетляв по городским улицам, мы выныриваем возле речного вокзала. Семнадцатая пристань. Рассчитываюсь с водителем и выхожу. Не спеша, иду по аллее к пристани. Торопиться не хочется. Такое чувство, что весь мир счастлив вместе со мной — все вокруг радостные, чуть ли не повизгивают от восторга. Недаром говорят, когда нам хорошо, то и весь мир ликует с нами, когда же плохо, то и замечаем мы только омрачающие нас события и подтверждающие некое, ранее составленное мнение и состояние. Я усмехнулся, припомнив слова своей одноклассницы Наташки: «Будь ты проще, сядь ты на пол, и к тебе потянутся люди».

Мимо пробегают дети, толкаясь, занимают очередь за мороженым. Сажусь на скамейку и озираюсь вокруг, смотрю на причал, реку. Слышно, как урчат двигатели крылатого скоростного судна – «Метеора». По трапу заходят пассажиры. От реки порывы ветра доносят запах влаги, свежести и… мороженого – мимо прошли мелкие девчонки, с удовольствием вылизывая и смачно откусывая краешки вафельного стаканчика. Проводив их взглядом, решаю купить и себе, благо, очередь только что рассосалась.

О, какое блаженство! Сладкое, холодное блаженство… Блаженство, тающее во рту и наполняющее душу невероятной истомой… Прикрыв глаза отдаюсь

блаженству вкуса. Астраханское мороженное вкуснее, чем у нас дома. Возможно, это из-за волжской воды. Откуда-то издалека, с одного из туристических теплоходов, ветер приносит обрывки песни: «Лето… ах, лето…». Приятный женский голос певицы ветром запутывался в кроны деревьев набережной, в птичий и пассажирский гвалт, растворялся в мутных водах реки.

Но, как и всё в этом мире, мороженое закончилось, приятно холодя у меня где-то внутри… Хотелось бы повторить, но опять собралась очередь, а я не люблю стоять в очереди… Всякий раз, когда вынужден оказаться в импровизированном списке на получение, возникает какое-то неприятное ощущение…

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

Так, хватит сидеть, пора в кассу. Надо брать билет и — вниз по Волге! В деревеньку, где старенькая бабушка… Гм-м-м… наверно, к моему приезду пирожки печёт. Вкусные, надо сказать пирожки у неё – большие, золотистые и с хрустящей корочкой… От этих мыслей внутри меня что-то перевернулось, а во рту такое началось… Я громко сглотнул и поспешно вскочил со скамьи — надо поторапливаться. Спускаюсь по трапу на палубу плавучего причала с кассами и залом ожидания.

Прохожу в кассовый зал речного вокзала, а там… Очередь! Да ещё какая очередь! Человек тридцать, а может быть, и сто… Нет, это не для меня… Я с невоз-

мутимым видом никуда не спешащего товарища прошёлся вдоль очереди туда-сюда, задумчиво постоял, рассматривая огроменную картину, перекрывающую почти всю стену с таким же огроменным, но очень аппетитным арбузом… Да-с, арбуз… пока их ещё нет, а жаль. Астрахань у меня ассоциировалась с арбузами и рыбой. Рыбу я не любил, но вот арбузы… Собственно, кто не любит арбузы? Покажите мне такого человека, разве есть такие? Как можно не любить этот зелёный, полосатый, с сочной красной мякотью, мяч? На память сразу пришло воспоминание о прошлогодней поездке в Зензили к родственникам. Там меня возили на бахчу – арбузы в бескрайней степи. Огромные! Не такие, как на картине речного вокзала, но – огромные. Родственник угостил меня тогда арбузом прямо на бахче – просто разбил его рукой и извлек из него сладчайшую сердцевину. Да… экскурсии и путешествия — это хорошо, это познание мира. Должен ли я отказываться от познания? Здесь, в городе, у меня есть двоюродные сёстры студентки – пойду-ка я наведаюсь в гости! Так сказать, схожу на экскурсию. Всё будет веселее, чем в деревне…

А бабушка и пирожки подождут.

Выйдя с вокзала, решил идти пешком. Маршрут этот я знаю — уже бывал там… Да и деньги надо экономить – я и так лихо шиканул на такси… Улочки, улочки… Ох уж эти астраханские улочки! Петлял, петлял и, кажется, заблудился… Точно помню: по мосту через речушку, пара улиц, поворот направо и – пришёл… Нет же… Заблудился! Кругом одинаковые деревянные дома с некрашеными и покосившимися от старости заборами… Вроде бы она, эта улица, но какой дом?

Ерунда какая-то… Они здесь что, все двухэтажные? Озираюсь растерянно по сторонам… Отчаянье хватает за горло… Самонадеянный тип! Мама говорит: «Язык до Киева до ведёт». Но кого и о чём здесь спрашивать?! У меня даже в голове помутнело от досады…

— Славка! Ты, что ли? Ты чего здесь?

Поворачиваюсь на голос. С противоположной стороны улицы идёт сестра Ирина и ехидненько так улыбается…

-К нам? А что не предупредил? Сюрприз? – Обнимает меня. — Ну, привет! Пошли штоль… Гость! Заблудился, да? А мы смотрим из окна: ты идёшь с сумкой… и мимо… потом обратно… Смешно…

— Да, какой там сюрприз?! К бабушке-то я успею! А так… Хотел вас навестить, по Астрахани побродить… Вот. Примерно так… Только каникулы начались, а меня уже в село сослали! Да и что мне там делать?

— Ну-ну… Горожанин. Приучайся к труду, белоручка. Бабушке поможешь – она скоро картошку сажать будет!

— Так я же понятия не имею, как это делается!

— Вот и научишься! – Оборвала меня кузина. — Заходи? Заходи!

Мы прошли пару домов в обратную сторону от моих метаний по улице и остановились у невысокого деревянного забора, крашенного зелёной краской. Она распахнула калитку, и мы оказались на уже знакомой мне по прошлому визиту территории.

По скрипучей деревянной лестнице поднялись на второй этаж. На окнах веранды висели цветастые занавески. Прямо в проходе, перед лестницей, стояли

два картонных ящика с луком и картошкой. Перед дверью в квартиру, на старом, давно не крашеном полу, рядами выстроилась женская обувь…

— У вас что здесь, женский батальон расквартирован?

— Нет, умник! Обувь на все случаи жизни… Снимай ботинки и заходи!

Попав в квартиру, я оказался в помещении, исполняющем обязанности прихожей и кухни. За столом, справа у окна, почти напротив входной двери, сидела симпатичная брюнетка. Пила чай с печеньем. Печенье девушка держала двумя пальчиками, кокетливо отведя в сторону мизинчик. Она посмотрела на меня и, молча кивнув, изящно откусила печенье и зачем-то шумно отхлебнула чай…

— Вот, привела путешественника! – громко над моим ухом произнесла Ирина. Я вздрогнул от неожиданности и посмотрел на неё. Она, улыбаясь, продолжила:

— Это Лариса, подружка моя… Чай пить будешь? Присаживайся!

Я, не найдя слов, кивнул и присел с противоположной стороны от кокетливой поедательницы печенья. Дорожную сумку опустил рядом со стулом.

— Сумку занеси в комнату. У нас не воруют!

— Смешно! Успею… Чай попью… с печеньем.

— А ты поторопись, его скоро не останется, — произнесла томно, с расстановочкой, Лариса и заулыбалась…

— Ничего, ещё купим.

— Слупим, — хихикнула Ирина. — Богатый Бура-

тино какой! Мама с папой много денег дали, да?

— Причём здесь мама с папой? — Разозлился я. – Может, я их заработал… Макулатуру собирал! Вот…

— Богатый Буратино из страны чудес! Много макулатуры собрал наш герой, — посмеивалась Ирина,— и будет теперь девчонок печеньем угощать… и конфетами, наверное, — ехидничала сестра.

— Ладно… Пойду сумку пристрою в комнате.

У меня пропало всякое желание пить чай. С печеньем или без, но пить уже не хотелось. Мне было неудобно перед этой девчонкой… Сестра так и норовила показать, какая она взрослая и разумная, а я — и не взрослый, и не разумный… Я встал из-за стола. Взял сумку и вошёл в комнату… С тех пор, как я был здесь последний раз, в прошлом году, ничего не изменилось. Так же слева стоял сервант, справа диван, на полу палас… Лишь у окна появился новый постоялец — телевизор. Он был включён на малую громкость… И там, едва слышно, на фортепиано самозабвенно музицировал Элтон Джон.

— Ира, а где сумку положить?

— Возле дивана… К стене!

Бросив сумку возле дивана, я присел. Старый диван возмущённо заскрипел… Откинувшись на спинку, стал смотреть концерт. Девчонки на кухне о чём-то шептались и хихикали. Но я быстро о них забыл, увлёкшись музыкой. Музыканты сменяли один другого, яркие краски на экране вспыхивали, гипнотизируя и погружая в этот прекрасный мир праздника и веселья…

— Славик, мы сейчас купаться идём. — Вернул меня к действительности голос Ирины. — Останешься

дома или с нами пойдёшь?

— С вами, конечно. Что мне тут сидеть?!

Да и разве я мог упустить такой момент? Только вчера я купался в Каспийском море, а сегодня уже в Волге…

— Тогда собирайся! Мы уже готовы.

Быстро переоделся и вышел на кухню. Девчонок там не было. Их шаги доносились уже снизу лестницы… Выскочив на веранду, крикнул им:

— А дверь, что запирать не надо? Где ключ?

— Не надо! Скоро Маринка придёт. К тому же Марья Ивановна, хозяйка, на первом этаже — дома. Она всё видит и слышит… — После этих слов девчонки засмеялись.

— Ну, давай, живей! Спускайся! Не отставай. Мы ненадолго идём… У нас особая миссия.

— А что за миссия?

А в ответ тишина и лишь хлопок ворот, как команда «на старт, внимание, марш». Я быстро слетел по лестнице и со двора выскочил на улицу, догонять девчонок. Они мелькали в свете лучей солнца, пробивавшихся сквозь крону деревьев. То, вспыхивая бело-жёлтым, то гаснув в вязкой синеве тени…

Догнав девчонок, прежде чем они свернули на следующую улицу, я, как истинный джентльмен, взял из рук Ларисы пакет с пляжным покрывалом. Солнце уже по-летнему припекало… И это радовало… Буду купаться в волжской воде и загорать под астраханским солнцем… и, несколько позже, — валяться в саду, в тени деревьев, лениво срывая яблоки с ветвей, кло-

нящихся до земли… Ах да, сейчас, наверное, вишня! А яблоки зеленей зелёного. Ну ничего, и яблоки будут, и мои любимые абрикосы, которые местные почему-то называют сливой, а сливу – чернослив…

ПЛЯЖ

— А вы куда? Разве не на пляж идём? – озадачился я, видя, что движемся в противоположную сторону от городского пляжа.

— Нет, не на тот! Увидишь.

Девчонки бодро шагали вперёд, а я за ними, и вскоре мы вышли на перекрестье улиц и остановились на трамвайной остановке. Старая часть города. Деревянные дома, улица, не укрытая асфальтом, но поросшая роскошной травой и, конечно, камышом. Казалось, что время здесь остановилось. И лишь проложенные трамвайные пути посередине свидетельствовали о техническом прогрессе человека. В конце длинного уличного тоннеля, из-за поворота показалось алое пятно движущегося вагона. Постукивая и полязгивая на стыках рельс, катился трамвай.

Этот вид транспорта для меня был экзотикой. И потому, всякий раз бывая в Астрахани, я никогда не упускал возможности прокатиться на нём – иногда просто садился на кольцевой маршрут и катался по улочкам города, рассматривая строения и людей. Прислушиваясь к их словам, к их говору, так значительно отличавшемуся от привычной мне речи.

Пассажиров в салоне было немного. Большая часть мест пустовала… С лязгом защёлкнулась дверь, и мы плавно покатились вперёд. В трамвае водитель, объявляя остановки, называл следующие… Люди входили и выходили. Шумной ватагой ворвались пацаны чуть младше меня, громко обсуждая фильм, идущий в местном кинотеатре. Строгие тёти сделали им замечание, и ребята притихли. Перешёптывались и насмешливо посматривали на ворчливых пассажирок. На следующей остановке вошли три девочки. Ух, ты-ыыы… Одна красивей другой! В Астрахани, видимо, столько смешалось национальностей, что их дети не могут не быть красивыми…

Ирина с подругой встали и подошли к выходу. Так, выходим, значит. Мы оказались в неизвестном мне районе города. Впереди, справа, виднелся мост. Трамвай отправился дальше и скрылся за его дугой и строениями. Мы же отправились к ближайшим домам, стоявшим несколько хаотично вдоль береговой линии реки. Попетляв по тесным улочкам, вышли на высокий берег, с симпатичным видом на реку и дома, утопающие в зелени садов. Внизу, прямо перед нами, песчаный берег с редкими отдыхающими. Небольшая компания играла в пляжный волейбол. Слышался смех играющих на пляже и купающихся в реке детей. Ветер издалека приносил звуки автомобильных клаксонов и редкие гудки кораблей и обдавал речной свежестью…

Спустившись на песчаный пляж, мы выбрали себе место и расстелили покрывало. Недалеко от нас на розовом покрывале загорали две приятные, изрядно уже позолоченные солнцем, девушки. Подставив

красивые тела лучам, они прикрыли лица пляжными шляпками. Возле них сидел на песке молодой мужчина и что-то им говорил, широко улыбаясь. Одну из девушек заинтересовали его слова, и она, убрав шляпку с лица, с интересом на него взглянула. Улыбнувшись, привстала, повернувшись к нему лицом…

Сестра с Ларисой ушли купаться. Я же остался сидеть на покрывале в шортах, сняв только футболку. Среди играющих в мяч выделялся парень с красивой мускулатурой. Когда он отбивал мяч, мышцы его бугрились. Парень знал, что он объект внимания, и нарочно всякий раз поигрывал мышцами… Вот бы и мне такие! Все девчонки бы крутились возле меня… Вон и возле него девушка с красивой стройной фигуркой каждый раз прикасается к нему рукой и смеётся. Обращает на себя внимание. Я отвернулся от них и посмотрел на реку. Купающихся стало больше. Мне не сразу удалось выделить среди них Ирину с её подругой. Надо же! Они уже не одни… Возле них два парня. Один из них жестикулировал руками, что-то рассказывая. Девчонки смеялись…

Оглядев пляж, я не увидел ни одной своей ровесницы. Все уже взрослые, наверное, от шестнадцати и старше. Мне стало скучно и неинтересно. Откинувшись на спину, я смотрел в небо. В этот миг в голубом просторе набирал высоту самолёт. Мне тоже захотелось куда-нибудь улететь… Куда-нибудь в тёплые страны, где есть пальмы, попугаи и обезьяны. Туда, где океан шелестит волнами о берега атолла, и аборигены плавают в лодках, выдолбленных из целого куска дерева… Вот только акулы… Хм-м… Не нравятся они мне. А так

– тропический рай… Моё воображение рисовало меня в набедренной повязке, с копьём в руках возле соломенной хижины… Из хижины выходит эбонитовая красотка с большими чёрными глазами и одаривает меня своей белозубой и лучезарной улыбкой…

Подошли сестра с подругой и какой-то парень.

— Здрасьте!

— Привет, пацан!

Лариса начала собирать свои вещи, помахала нам ручкой и пошла с молодым человеком. Ирина опустилась на покрывало и, глядя вслед подруге, сказала:

— Сейчас обсохну и обратно пойдём. Иди, окунись хоть, што ли.

— Нет, — покачал я головой. – Нет желания… А куда она пошла?

— Лариска? Это её парень. Она с ним сама поссорилась, а потом решила помириться… И мы с тобой, как группа поддержки у неё.

— Якобы случайно оказались здесь, и всё такое?

— Ага…

— Вон они… Уже в волейбол играют!

Некоторое время понаблюдав за играющими, мы начали собираться домой. На трамвайной остановке купили по мороженому и, пока им наслаждались, решили пропустить наш маршрут. Доев мороженое, сели в следующий, и он покатил нас мимо уже знакомых мне домов со скрежетом на поворотах. После реки и солнца мерное постукивание колёс на стыках и голос «Осторожно, двери закрываются» усыпили меня.

— Славик, всё приехали! Подъём. На выход, мы выходим, — растолкала меня сестра.

Дома уже была Марина. Она бегала по кухне и что-то готовила. На плите парила кастрюля, на столе лежали чищенные картофель, морковь и лук.

— Ирка, вы что, не могли ничего приготовить? Дома есть нечего!

— Ты поздоровайся с человеком сначала! А потом уж ори…

— А… Привет Славик. К бабушке? — Произнесла она, проскальзывая мимо меня в коридор. Обратно прибежала уже с банкой тушёнки.

— Тебе тяжело было, да? Я есть хочу! А дома только полпеченьки и варенье…

— Да ладно тебе разоряться! Лариска приходила, ходили на речку, мирить с Пашкой. Как группа поддержки… Ну, сама понимаешь же…

Я сидел в комнате у телевизора и старался не вслушиваться в их перепалку. Мне уже начало думаться, что я совсем не вовремя здесь… По телевизору шло какое-то советское черно-белое кино: партсобрания, повестки заседаний, посевные, фермы, лозунги и счастливые улыбающиеся лица. От нечего делать я смотрел фильм и понемногу втягивался в жизнь киногероев.

— Славка, кушать пошли!

Я вышел из комнаты к столу. Сестры разливали рисовый суп по тарелкам и расставляли по трём сторонам стола. Посередине стола в ажурной металлической тарелке уже лежал нарезанный хлеб.

— Суп у нас сегодня… скороспелый, но съедобный. И самое главное – с тушёнкой, а не постный. Присаживай, присаживайся давай. В ногах правды нет.

Слышал об этом?

— Слышал, слышал, — проворчал я.

— Вот и садись сюда. Да. Это тебе. К супу, к сожалению, больше ничего. Вечером что-нибудь купим… У нас, не как у вас в Шевченко – нет московского снабжения… Сушёную рыбу будешь? Нет? Так и думала, потому и не предложила сразу. Вот приедешь к бабушке, там она тебе и борщей наварит, и картохи нажарит.

— Что, уже выгоняете? – хмыкнул я.

— Нет, но по интересуюсь: к нам с Иркой надолго? А то отвечай тут за тебя…

— Завтра уеду. Наверное… И что за меня отвечать? Я почти взрослый.

— Вот, именно – почти! И давай только без «наверное»!

— Ладно, ладно – завтра.

И усмехнувшись, после паузы выдал:

— Возможно, завтра или послезавтра.

Марина уже кушала и потому просто показала мне кулак.

Насытившись супом, скороспело приготовленным Мариной, я опять уткнулся в телевизор, а девчонки мыли посуду и убирали на кухне… По телеку шли любимые мной рисованные мультики. Я вообще не люблю кукольные и пластилиновые мультфильмы! По-моему, они ужасны! Исключение, пожалуй, «Крокодил Гена с Чебурашкой» да кукольный театр Образцова… «Божественная комедия» мне очень нравилась, и сколько раз её показывали, столько раз я и смотрел.

У Марины прошла голодная истерика, и она засыпала меня вопросами. Что да как… Ну, и надолго ли к нам пожаловал? Услышав, что до завтра, успокоилась.

— Вечером пойдём в кино. Французский фильм, боевик… Пойдёшь?

— Угощаете? Пойду. Во сколько? Уже вечер! Вон, на будильнике шестой час…

— Угощаем? А… Купим мы тебе билет. Купим. К семи пойдём, там уже будут нас ждать. Мой друг. Клёвый парень.

— Девчонки! Ирина, Марина… Идите-кась сюды…, — раздался женский голос с первого этажа.

— Марья Ивановна… хозяйка квартиры. Что ей надо?! Вроде не шумим…

Сёстры спустились к квартирной хозяйке. А я выглянул в раскрытое окно. Никого на улице, лишь где-то далеко слышался автомобильный шум и трамвайный предупредительный звонок.

— Нас угостили пирогом. Будешь? Налетай!

— Да. Давайте, нарезайте…

Выйдя на кухню, я увидел пирог с рыбой.

— О, нет! Не люблю с рыбой!

— Ты же астраханец! И не любишь рыбу?

— Ну… Я не совсем астраханец! Вырос-то я не здесь… Да, и что, все астраханцы должны любить рыбу, арбузы и помидоры? Икру люблю! Чёрную.

— Губа не дура! Икру он любит, — хихикнула Ирина.

— Ну, ты же здесь родился! Почему тогда не астраханец? – Не унималась Марина.

— Где-то прочитал: среда определяет сознание… Вот… Вырос я там, где море, где люди съехались со всей страны… разные обычаи и дружба народов... Баурсаки люблю, каймак…, — засмеялся я.

— Ты что, казах, что ли? – опять хихикала Ирина.

— Русский казах, – отшутился я.

Девчонки наслаждались рыбным пирогом, а я пил чай с печеньем, смазывая его остатками малинового варенья. Получалось вкусно…

— Ну всё! Мы пошли собираться: одеваться, краситься… Посиди тут. Хорошо?

— Жаксы!

— Что?

Я, улыбнувшись, молча пожал плечами и пропел:

— Кайда барасым Пятачок? Улькен, улькен, улькен….

— Странный какой-то. Чем старше, тем дурней! Ладно – нас не беспокоить.

И сёстры плотно задёрнули занавеску дверного проёма.

БРОСОК ЧЕРЕЗ БЕДРО

В этом кинотеатре я уже второй раз. «Октябрь». Кинотеатр со стеклянным высоким потолком, под которым, как в оранжерее, растут экзотические растения. Внутри красиво и уютно — здесь аквариумы, настоящие пальмы и живые попугаи, свободно летающие над головами посетителей. Здесь можно часами ходить и любоваться рыбками. Даже совсем необязательно ходить в кино, можно просто приходить, как на экскурсию. Ух, ты! Какой глазастый телескоп! Золотые

рыбки, по-королевски, как веером, помахивают длинным вуалевым хвостом. В аквариуме по соседству обитали яркие цихлиды. Они, как всегда, устраивают драчки друг с другом. Кто в доме хозяин?! Невозмутимые акары методично машут плавниками, зависнув на одном месте и взирая сквозь стекло аквариума на шумную человеческую публику. Суматранские барбусы не дают покоя скаляриям — всякий раз, проплывая мимо, стремятся укусить их за бок. В углу следующего аквариума гурами надули пену и, видимо, готовятся метать икру – она у них до выклева мальков содержится в этой пене…

— Славка! Славка, ты где ходишь? Пошли в зал, сейчас сеанс начнётся. Хватит уже зырить на них – в речке посмотришь на рыбу. Всё, всё – пошли, – торопливала Марина, пришедшая за мной.

В зале кинотеатра рассаживались люди. Слышалось эхо голосов и хлопающих сидений. Все расселись. Погас свет. Начался фильм. «Побег». О, эти неунывающие герои боевиков – как торпеды несутся к поставленной цели, и горе тому, кто встал у них на пути! Фильм захватил меня, поглотил миром динамичных событий, и я с неохотой воспринял его окончание и выход из зала. Помню, в школе кто-то говорил, что каждая новая книга должна восприниматься как друг, а перечитывание её — как встреча со старым другом. Так вот, этот фильм мне понравился, и я с удовольствием встречусь с ним, как со старым другом.

От кинотеатра «Октябрь» с сестрами пошёл к набережной Волги, к семнадцатой пристани… Я ещё находился под впечатлением от увиденного и потому не

сразу понял, что нас стало больше. Возле Марины шёл парень крепкого телосложения и всё время старался ухватить её за талию. Она же всякий раз уворачивалась от его рук.

— Отстань, тебе говорю! Иди спокойно. Выпил пива, веди себя скромно…, — посмеивалась над ним Марина.

Я уже злился на него. Но он здоровый и ему лет двадцать шесть, наверное… Но тут он сам обратил своё внимание на меня и, показывая рукой в мою сторону:

— А это что за молокосос увязался за нами?

— Сам ты… молокосос!

— Ты чо сказал, сопляк? По башке схлопотать хочешь? У меня это не заржавеет. Щас. Иди сюда.

— Да, успокойся же, тебе говорят! – отдёрнула его от меня Марина.

Но он, подогретый напитком, уже бурлил и не унимался:

— Чо… сопляк, делавой, штоль? Я с тобой разговариваю. Смотри на меня, когда говорю…

И увернувшись от Марины, он оказался возле меня. Схватил за плечо.

Я несколько лет занимался вольной борьбой, и у меня сработал рефлекс – раз и готово! Бросок через бедро…

Парень лежал на тротуаре и, ошалело моргая белесыми ресницами, смотрел на меня.

— Ах, ты ж, стерлядь океанская… Да я же тебя сейчас…

Он начал подниматься с асфальта.

И тут я услышал голос сестры:

— Беги, Славка! Беги! Живо!

Что-то мне подсказывало, что это правильное решение. И я побежал. Бежал, в начале как от стаи собак, затем, в районе улицы Трусова, чтоб не привлекать излишнее внимание прохожих – как физкультурник на вечерней пробежке.

И остановился, лишь добежав до каких-то белёных стен, похожих на монастырские… Сердце учащённо колотилось, руки дрожали. Но я был доволен собой. Уф! Как я его! На обе лопатки бугая положил… Успокоившись, я присел на скамейку Морского садика, затем, когда наскучило сидеть и глазеть по сторонам, встал и пошёл, не выбирая пути и оказался возле Лебединого озера – это место я хорошо знаю. Сказочная идиллия – белые лебеди, теремок на импровизированном островке, горожане, несмотря на позднее уже время, прогуливались вокруг озера с детьми. Присев на траву возле озера, я наблюдал за гуляющими. В моей голове начали крутиться одни и те же строки Блока, всё настойчивее и настойчивее: «И каждый вечер, за шлагбаумами, заламывая котелки, среди канав гуляют с дамами испытанные остряки. Над озером скрипят уключины, и раздаётся женский визг, а в небе ко всему приученный, бессмысленно кривится диск». Так и здесь, компания молодых людей, прогуливаясь, гоготала над шутками парня, одетого во всё джинсовое. Самодовольный хиппарь! Они, так же, как и я, сели на траву невдалеке от меня. И нарушили тем самым мою, уже миротворную, идиллию. Я посмотрел вверх на полную луну, висящую над озером. Да, бессмысленный и равнодушный ты диск. Светишь себе и светишь… Хотя нет, не прав Блок – не равнодушный,

а ехидный. Наглая, улыбающаяся физиономия! Ехиденько так посмеивается над нами со своих высот и вечности. Радуясь повторяемости и неизменности нашего бытия. Собирает мотыльков и… комаров. Только сейчас до меня дошло, что в шум города вплетается унылое зудение комара. Я встал и ретировался от шумного соседства, а затем и вовсе ушёл от озера.

Немного побродив по городу, прогулялся вдоль набережной имени Первого Мая — так было написано на табличке одного из домов — и направился к дому сестёр.

Подойдя, очень осторожно открыл калитку, чтоб — ни скрипа, ни звука, вошёл в дверь, ведущую на второй этаж. Медленно, шаг за шагом, поднялся. Лестница не издала ни единого скрипа. Поти не единого… Уф!

Дверь была не заперта. Войдя, я налил себе ещё тёплого чаю и напившись, сел к телевизору и включил его. Картинки не было, только снежинки метались по экрану. Сколько-времени-то? Я нашёл будильник, но он молчал – его забыли завести. Неопределённость во времени начала сворачивать моё мироощущение, сжимать до точки. Время замерло, мир затих, смолк голос улицы за окном, и глаза мои начали склеиваться…

Проснулся я от щелчка выключаемого телевизора.

— Спишь, герой?! Мы его едва успокоили. Всё порывался тебя искать. И надо было тебе с ним связываться?!

Позёвывая и потирая глаза, я встал с дивана.

— Зато, как я его! А?!

— Угу, ты его… Как он бы тебя! Он же – бугай!

— Если б ты не убежал, то твои приёмчики тебе не помогли бы! – послышался ехидный голосок Ирины.

— Славка, лучше сразу с утра поезжай к бабушке, на Мумру… Он может и сюда припереться. А нам тут не нужны скандалы. А он быковатый парень, когда пива выпьет…

— А пьёт он его каждый божий день… Традиция у них такая — утро тридцать первого числа и все последующие числа встречать с бутылкой «Жигулёвского»…, или какое они там пьют? — опять посмеивалась Ирина.

— Да ладно тебе, штоль! – возмутилась Марина. — Нормальный он парень. Трудолюбивый. Звёзд с неба не хватает… а только от сварки… да… Так что, Славик, извини – едь, пожалуйста, от греха подальше, к бабушке!

— Да ладно вам! Я же и так завтра собирался…

— А кто тебя знает?! Может, передумал… Здесь ведь яблоки собирать не надо и картошку сажать не придётся… Ты же у нас городской, с сознанием, определённым твоей средой… Так, кажется? – рассмеялась Марина. – Ладно. Мы там чайник поставили и тортик принесли. Пошли попьём и спать. Утро вечера мудрёнее.

— Мудренее!

— Не-а… мудрёнее.

Ночь за окном, а мы сидели на кухне и пили чай с тортом, принесённым сёстрами с прогулки. Затем мне постелили на полу, возле телевизора. Марина и Ирина

смотрели телек, там оказывается антенна отсоединилась, а я провалился в сон.

Мне снилось как я, вновь и вновь, бросаю этого бугая то на тротуар, то на борцовский мат, и ликующие зрители машут мне руками, аплодируют… То я уже тореадор и пикой пронзаю мощного рогатого быка, мордой напоминающего Мариниого друга. А Наташка, девочка из параллельного класса, подбегает ко мне и целует в щёку.

ВНИЗ ПО ВОЛГЕ, ТУДА, ГДЕ ЛОТОСЫ ЦВЕТУТ

— Славик, вставай! – сквозь сон донёсся до моего сознания голос Марины. – Полу-у-ундра!

— Блин, что случилось? – Подскочил я на постели.

— Тебе пора. Поторапливайся. Не забыл, что кто-то вчера очень тебя хотел видеть?

— Так шесть часов же… вон будильник… Ну, вы и садистки! Разве можно молодой организм так будить, да ещё в такое время?

— Подъём! Подъём! Раньше встанешь — раньше уедешь. И, конечно, раньше порадуешь бабушку. Вставай, Славик, вставай.

— Я пришёл к тебе с приветом рассказать, что солнце встало… — как всегда внесла свою лепту Ирина. — Что оно горячим светом по листам затрепетало… Викторина! Чьи строки?

— Тютчев?

— Грамотей. Фета от Тютчева не отличаешь! У

меня пятёрка была за это стихотворение... Вот так-то, товарищ салага.

— Не обращай на Ирину внимание, Слава, это всё что она вынесла из школьной программы. Она книжки не любит читать.

— Ага, сейчас – я много чего помню из школьной программы. Память у меня просто великолепная. Например, помню…

— А вот примеров не надо. Достаточно – верим на слово! – остановила сестру Марина. – Славка, торопись, а то скоро другое солнце, но уже грозное, встанет и припрётся сюда.

Я нехотя поднялся с постели и хотел было её собрать, но меня вовремя остановили, сказав, чтоб быстренько шёл умываться, а постель уберут сами, так как они предчувствуют, что «солнце» уже движется к их дому.

Умывшись и позавтракав, я взял сумку и, наспех попрощавшись с кузинами, спустился вниз на улицу.

Астраханское солнечное утро. Совсем ещё не жаркое. Воробьиные стайки метались меж деревьев и домов. На улицах и улочках под ноги лезли голуби, собирая, видимо, семечки ночных гуляк. Мой путь лежал к Семнадцатой пристани, к ракетному причалу. Позади уже мост через набережную Первого мая. А вот уже и стены кремля, площадь Ленина… Разноголосые гудки клаксонов проносящихся мимо автомобилей. Визг и хохот стаек детишек, с утра пораньше мчавшихся куда-то по своим юным делам. Блеск трамвайных линий. Звонки и скрежет на остановках. Ещё немного, и я перехожу последнюю дорогу, отделяющую меня от

прибрежного района. Гостиница «Волга» и… причалы.

На пристани суета! Вереницы прибывающих «Ракетами», «Метеорами» и всякими прочими транспортными средствами. Узелки, корзины, чемоданы и, конечно, рюкзаки туристов-рыболовов… На реке ветер закручивает барашки волн, громко шелестит стройными рядами деревьев на набережной, играет одеждой отъезжающих и прибывающих граждан, с особым радушным вниманием приставая к женщинам, стремясь задрать им юбки и сорвать шляпки и платки.

Несмотря на раннее утро, зал ожидания полон. У касс многоголосо и многолюдно. Все места в зале заняты мамами с детьми, бабульками и дедульками. Остальные курсируют по залу или на палубе, некоторые, облокотясь на перила, покуривают… Делают это они с особым чувством расстановки и видом значимости, задумчиво прищуривая то один, то другой глаз, церемонно стряхивая пепел сигарет в мутные воды Волги.

Заняв очередь у кассы и глядя на суетящихся вокруг старушек, задумался: что им на старости лет дома не сидится? Попивали бы чаёк с малинкой, вели бы свои неторопливые разговоры, сидя на скамейках у подъездов домов или на лавочках во дворах… Нет же, торопятся, тащатся с узелками и авоськами, расталкивают граждан… Ну куда, куда вы? И сразу же услужливая память рисует образы. Декабрь. Снег за окном. А к нам в гости приехала бабушка Матрёна Даниловна из Баку. Выкладывает на кухонный стол заботливо упакованные гостинцы. В ярких блестящих обёртках — кон-

феты и шоколад, в серой оберточной бумаге — шербет. А вот и что-то круглое и тщательно закутанное газетной бумагой… Разворачивает один, другой… третий… А там яркий оранжевые плоды. Что это? Хурма… О! М-ммм… Хорошо помню этот сочный вяжущий вкус…

— Молодой человек! Вы билет брать будете?! – Пренеприятно ткнули меня в спину. Я стою возле окошка кассы, и кассир, крупная, ярко-рыжая тётя с каким-то кренделем на голове, вопросительно смотрит на меня сквозь проём окна кассы.

— Да, буду. Извините. Один до Мумры, на ближайший…

Протягиваю деньги в обмен на билет – маленькую серую картонку.

— Держите. Отправление в восемь ноль пять. Слушайте внимательно объявления на посадку. Сдачу… сдачу возьмите.

Благополучно приобретя билет до пункта назначения, решаю прогуляться по набережной – у меня аж почти час до отправления! На берегу, в густой кроне тополей, шум и гомон. Каркают, беснуются, что-то не поделив, вороны. Чирикающие воробьиные стайки ручейками перетекают с одного дерева на другое… И под всем этим беснованием и гвалтом, утопая в тени деревьев, скамьи с сидящими пассажирами. Люди пьют воду, наслаждаются мороженым или просто скользят взглядом по прохожим, реке и кронам деревьев.

Утренняя набережная особенно восхитительна. Стройные ряды высоченных деревьев прозрачной утренней тенью укрывают берег от висящего над кры-

шами старинных домов солнца. В конце аллеи, у причалов для туристических лайнеров, возвышаются белые, сверкающие красавцы-корабли.

Напитки, мороженое, трапы, праздные пассажиры в шортах и сланцах… Все добродушны и слегка ленивы — жизнь прекрасна! Когда у тебя отпуск, можно быть счастливым и добрым. Можно быть ленивым… Можно неторопливо двигаться по трапу, неспешно покупать мороженое или воду. Прогуливаться по набережной или стоять у чугунных перил, фотографироваться… Всё можно, когда у тебя отпуск или, как у меня, каникулы. И всё возможно, когда у тебя достаточно денег для путешествия! А с этим у меня проблема. Мои возможности минимальны и равны сумме у меня в кармане. Я с завистью посматривал на эту праздную туристическую публику, на эти белые корабли, курсирующие меж волжскими городами, то вверх по течению, то скользя вниз, к Астрахани… И зов чего-то далёкого, неудержимо прекрасного просыпался во мне и звал на палубы этих лайнеров, чтобы слиться с толпами отдыхающих и отправиться в неведомое. Туда, где я никогда не был…

Услужливая же память мне тут же нарисовала большие каспийские, мрачно-зелёные волны, белый теплоход, держащий курс на Баку, и я, мелкий пацан, лет трёх-четырёх, стоящий у борта и заглядывающий в эту жуткую бездну меж волнами. Чей-то голос за спиной: «Осторожно стой здесь, не балуйся – можешь упасть. Иди лучше наверх, вот к этой белой трубе и смотри оттуда, сверху». Я, придерживаясь за поручни, затопал по крашенным металлическим ступеням на уровень выше, где и была эта самая труба. Напротив неё — окна капитанской рубки. Поднявшись на-

верх, я не успел оценить вид сверху, так как в трубе была открыта дверь-люк, и моё любопытство повлекло меня зайти и осмотреться в ней. Зайти я успел, а вот осмотреться – нет. Кто-то из шутников на капитанском мостике дал сигнал – труба неожиданно загудела… и помню, как испуганно сбегаю по ступеням обратно, под смех, несущийся из рубки…

Спросив время, я понял: пора не просто возвращаться, а бежать, так как посадка наверняка началась! И действительно, у причала шла погрузка на «Ракету». Пассажиры по трапу преодолевали полосу воды под ногами, меж пристанью и белым скоростным судном. «Ракета» приятно рокотала и подрагивала. Я оказался последним пассажиром, и за мной сразу же убрали трап. Судно медленно отходит от причала, делает манёвр. И вот уже рокот корабля сменяется равномерным гудением.

«Ракета» стремительно понеслась по волжским водам, периодически наскакивая на встречную волну проходящего мимо судна или же идущего впереди нас. На реке движение, хоть светофоры ставь! Буксиры, сухогрузы, тихоходные прогулочные «трамвайчики», встречные «Ракеты» и «Метеоры»… По берегам порты, причалы, дома… И всё утопает в зелени… Мне, после города, в котором каждый росток деревца или кустарника равен величайшей ценности, а берега морские пустынны и скалисты, вся эта роскошь зелени кажется чем-то невероятным и радующим глаз.

В салоне было душно. Несмотря на то, что я расположился у окна, мне не сиделось. Как-то неуютно… Вокруг меня начиналось трапезничество. С утра оголо-

дали путешественники… Пакеты, свёртки, шелестя и шурша, разворачивались, являя на всеобщее обозрение аппетитную снедь. Жующие лица, активно работая челюстями, издавали иногда не очень приятные звуки. И я не выдержал. Водрузив сумку с вещами в кресло, чтоб не решили, что оно свободно, я отправился на палубу, к корме. Здесь можно и постоять, и даже присесть …

За кормой широкий вспененный след, разбегающиеся в стороны волны покачивали рыбацкие лодки, во множестве расположившиеся вдоль берегов… Мощные струи воздуха, обтекая судно, били сильными порывами по открытой палубе. Ветер взлохмачивал волосы и агрессивно трепал одежду. Решив посмотреть вперёд по курсу корабля, выглянул за борт. Ураганный шквал ветра ударил в лицо. Перехватило дыхание, и веки, не выдержав напора воздуха, начали закрываться. Сделав усилие и приоткрыв глаза, я увидел, как водные крылья «Ракеты» взрезали и вспенивали поверхность реки, как стремительно неслись на нас волны. Глаза слезились, но я упрямо смотрел вперед. «Ракета» несла меня вниз по Волге, почти к самому астраханскому заповеднику, в края рыбаков и охотников, туда, где меня уже ждали.

Да, ждали. На ум пришло сравнение – царь Тараса Шевченко сослал на полуостров Мангышлак, где в честь него затем назвали форт – Форт-Шевченко. Меня же из города сослали вообще на остров, в рыбацкое поселение!

Быстроходное судно на подводных крыльях летело дальше по волжским водам, до первой своей

остановки – Икряное, затем пункты назначения последовали чаще, и скорость движения спала. Рокоча и подрагивая от сдерживаемой мощи, «Ракета» причаливала то к левому, то к правому берегам. Пассажиры сходили на берег, их заменяли новые – люди курсировали меж сёлами. У всех были какие-то дела и заботы, а кто-то, как и я, вероятно, ехал в гости на радость себе и принимающей стороне.

Маячное, Трудфронт, Житное…. А вот и знакомый долгожданный берег, судоремонтный завод с возвышающимися ввысь кранами, плавучий док с судном на ремонте, рыбоперерабатывающий завод с высоченными вешалами, увешанными рыбой, причал пристани….

Два часа пути уже позади. Моё сердце стало биться чаще, чуть ли, не выпрыгивая из груди: конечная для меня остановка – Мумра. Ракета пойдёт дальше на Зюзино, а я, сойдя по трапу и облегчённо вздохнув, торопливо зашагал знакомым мне маршрутом.

ВНУЧОК ПРИЕХАЛ

От пристани по пыльной тропинке, обходя снующих во множестве дворовых собак, я вышел на единственную асфальтную дорогу села. Эта дорога протянулась от паромной переправы и до судоремонтного завода. Мимо проносился местный транспорт: мотоциклы с люльками и грузовые мотороллеры. Селяне, идущие из магазина или на базар, внимательно всматривались в прибывших. Возле магазина, справа, де-

вушки громко обсуждали местные новости, споря о чём-то друг с другом. До меня долетало многократно повторенное: «Ну, прям», «Хватит, штоль», «Сама не знаш, что болташ»… Было непривычно и забавно это слышать. Так, посмеиваясь над местным диалектом и «совсем не местоимениями», доносившимся со дворов, я дошёл до середины асфальтной артерии села и свернул на обычную, обильно поросшую травой улочку. Пройдя ещё немного, увидел знакомый мне дом и сад. Возле дома, во дворе росло высокое дерево, падающие семена которого мы называли коромыслицами.

Улица в этот час была безлюдна – люди, свободные от работы на местных предприятиях, вероятно копошились в огородах. Солнце, приближающееся к зениту, начинало припекать. Подойдя к палисаднику и повернув деревянную вертушку, вошёл. Тишина! Только слышно, как на заднем дворе кудахтают куры. И уже прикоснувшись рукой к щеколде ворот, я услышал звонкий заливистый лай. У моих ног метался рыжий бесноватый комок. Будто давно знавший меня и потому радостно повиливавший хвостом. Я открыл ворота и вошёл во двор. На шум из дома на рундук вышла пожилая женщина в цветастом платье и таком же платке. Поправив платок на голове, прищурилась, приглядываясь ко мне, заулыбалась:

— О! Внучок! – И придерживаясь за перила, она спустилась по деревянным не— крашеным ступеням. – Вырос-то как! Ну, дай-ка, дай-ка, я тебя обниму…

Бабушка прижала меня к себе и, когда отпустила, я заметил слёзы на глазах. Она отвернулась и смахнула

их с глаз. Бабушка засуетилась:

— Вноси сумку в дом, Славик. Переодевайся, а я самовар сейчас поставлю. Я ждала тебя ещё вчера. У меня есть пирожки, как ты любишь, со сливой и есть с ежевикой…

Бабушка, ещё раз меня обняв, поспешила на кухню, отдельно стоящее строение с камышово-глиняной крышей и глиняным полом, землянку.

Зайдя в дом, я поставил сумку и оглядел нехитрое жильё бабушки. Поперёк коридора, у окна, смотревшего в палисадник, стояла металлическая кровать. Над ней висела радиоточка, вещавшая от имени радиостанции «Маяк». Справа, у большого окна, стоял стол, укрытый клеёнчатой скатертью, и на нём электрический самовар, маленькая розетка с тёмным вареньем, лежали щипцы, которыми бабушка раскалывала кусковой сахар. Распаковав сумку, я переоделся в трико и футболку и вышел к бабушке, неся пару пачек настоящего индийского чая и конфеты, привезённые из Шевченко, из города с московским снабжением и не нуждавшегося ни в чём – правительство ради освоения земель, богатых ураном и нефтью, не жалело ничего для людей, покорявших этот край.

Перед кухней был навес, обильно заплетённый вьюном с разноцветными цветами. В моей памяти ещё живо воспоминание, как дядя Гена, младший сын бабушки, приехал из города на «Запорожце», гружёным сверху рейками, брусками и досками… Специально для возведения этого навеса. Помню, как бабушка была довольна навесом и возможностью пить чай на свежем воздухе, а не в сырой землянке. До чего не-

притязательны были раньше люди. На их долю выпала и революция, и гражданская война, и Великая Отечественная… Они умели радоваться самой малости, любому пустяку. Не то, что мы, баловни цивилизации. Мне иногда страшно себе представить, что станет с окружающими меня людьми, если случится катастрофа, и прекратится подача электричества. Надолго прекратится, на месяцы… Вежливость и тактичность исчезнут, а проявятся самые тёмные качества человеческой натуры… Я стряхнул с себя, как наваждение, эти мысли. Положив гостинцы на стол, подошёл к бабушке и обнял её.

— Ты пришёл?! Вот и славно, будем пить чай. Садись.

И уже сидя у кухни, под навесом, плотно увитым лианоподобным растением с разноцветными цветами, я подумал: «Как прекрасно быть гостем! У своей бабушки! Ну, кто ещё, тебе, балбесу, нажарит сладких пирожков с ежевикой и абрикосом, нальёт чаю?! И вообще, кто будет тебе рад потому, что ты – это ты, а не элемент, носитель чего-то, каких-то благ.»

На дощатом столе, укрытом клеёнкой, стояли сверкавший боками самовар, вазочка с вареньем, тарелка с пирожками и чашки под чай. Самовар кипел и дымил от углей внутри его. Заварной чайник, венчавший верх самовара, покрылся сизым налётом… Сквозь вьюн, плотно обвивший навес, пробивалось солнце, скользя солнечными пятнами по стенам и столу, высвечивая, как прожектором, назойливых ос, прилетевших на сладкое и стремившихся влезть в стекляшку с вареньем. Бабушка засыпала меня вопросами, выслушива-

ла ответы и, между делом, наливала чай из самовара и пододвигала поближе к внучку тарелку с пирожками.

Наконец-то, вдоволь наевшись, я почувствовал себя полным сил и готовым осмотреть бабушкино подворье. Так сказать, произвести ревизию всех изменений за год моего отсутствия. По деревянным настилам дорожек, прокинутых через весь двор, прошёл до летнего туалета, он же и зимний – возле него росла яблоня семеринка. Яблоки поспевали ближе к осени, но имели невероятно сочный и кисло-сладкий вкус. Пока, конечно, трогать их бессмысленно. Заглянул в сарай – там ничего интересного, только свисающая со всех сторон паутина. Фу-у… Мерзость! Особенно когда налипает на лицо… судьбу испытывать не стал и в сарай не зашёл. Птичья часть двора с курятником мне показалась интересней, я там и замер, наблюдая как деловито птицы что-то склёвывали с земли, периодически разгребая лапами почву в поисках чего-то.

Среди кур с важным видом прогуливался петух, он посверкивал сине-зелёным оперением хвоста и строго следил за порядком, условия которого только ему и были ведомы. Чаще всего, я обратил внимание, он гоняет только одну птицу. Скорее всего, это молодой петушок – он был меньше первого, но больше кур и имел хвост, мелкий, но петушиный.

— Ой, забьёт его он. Ой, забьёт. В суп, что ли, его сварить?

Я увлёкся наблюдением и не заметил, как подошла бабушка.

— Кого в суп? Драчуна?

— Нет, что ты! Молодого. Топтун мне нужен. Яйца, может, уже снесли… кудахтали, вроде бы… Зайди, по-

глянь там.

— Я туда?! Да петух же драться будет. Я же чужой тут.

— А-а-а… Боишься!

— Да не боюсь я! Просто здравый смысл.

— Иш, умный какой! Здравый смысл. А яиц зайти собрать не можешь. Всё бабушке твоей, старому человеку, по курятникам лазать. Помню я, помню, как ты их боишься.

— И вовсе не боюсь я никого. Зачем наговаривать?

— Так уж и никого?

— Именно.

— Боишься, боишься – помню. А ну кыш, кыш.

Бабушка зашла к птице и стала отгонять тех, кто норовил прошмыгнуть в приоткрытую калитку. Заглянула в курятник, порылась там и вышла, держа в руках несколько яиц.

— Вот, будет, чем тебе твой гоголь-моголь взбить.

Бабушка вручила мне, видимо нарочно, грязные куриные яйца и пошла обратно, к дому. Делать нечего, взяв яйца, перепачкавшие мне руки, понёс их под навес у кухни. Хотел положить на стол, но вездесущая бабушка вмешалась.

— Возьми эмалированную чашку и положи туда их.

— Ладно. А что там с петухом? Почему ты решила, что я их боюсь? О чём ты, бабушка, что такое ты помнишь, а я нет?

— Ты же большой уже был – должен помнить. Пять с половиной, наверное, тебе было тогда… Отправила вас мать погулять, в гости к Чалкиным… Ста-

ло быть, через ворота на задах. Вы пошли одни, а там соседский петух гулял… Стал он на тебя кидаться, а ты сбежал. Он принялся за сестру…, та орёт. Прибежала мать, дала трёпки петуху и тебе.

— Мне-то за что? Да и не было такого… не припомню что-то. Любишь ты сказки рассказывать. Я тоже помню, обманула историями своими.

— Тебе? За то, что она могла остаться без глаза. Ей сколько было? Года полтора…, а ты сбежал…

— Да не сбегал я никуда! Не было такого.

Я психанул и ушёл опять на задний двор. На кур смотреть мне наскучило раньше, чем я туда пришёл. Потоптавшись немного там, вернулся.

— Чай хочу.

— Пей. Самовар ещё горячий. Пойду цветы полью. Пирожки то бери, ешь. Кому жарила?

Бабушка пошла поливать свои комнатные цветы, стоящие сейчас в саду на скамейках подле дома. А я налил чай, пододвинул поближе тарелку с пирожками, а немного подумав, и вазочку с вареньем.

Вскоре сознание затуманилось, и веки потяжелели… Сказался ранний подъём. Здесь же, под навесом, у стола стояла металлическая кровать, и я, показывая на неё рукой, крикнул, привлекая внимание бабушки к себе:

— Бабушка, спать хочу… Лягу здесь?!

— Ложись, ложись! Сейчас подушку дам и покрывало.

Укрывшись покрывалом и почти провалившись в сон, вспомнил о привезённых подарках для бабушки:

— Бабушка! Там в сумке, подарки тебе: халат, пла-

тье и ещё что-то от мамы…

Что-то больно укусило за лицо. Прихлопнув, я открыл глаза – на руке была кровь. Комар. Тень от деревьев поглотила дом. Под навесом уже сгустились сумерки. Я встал, обул тапочки. Опять укусил комар. О, как я не люблю этих существ! Вампиры! Что за садист их создал?! Звенят, пищат и вечно пьют нашу кровь! Кровопийцы.

В тихом вечернем воздухе ни шороха. Лишь где-то вдалеке лай собаки. Ветер донёс приглушённые голоса из-за забора. Прислушался. Бабушкин и ещё один, незнакомый мне, женский голос. Я пошёл на голоса. В палисаднике, на лавочке, рядом с моей бабушкой сидела её подруга баба Надя.

— Здравствуйте! А я Вас не узнал по голосу.

— Богатой буду! – со смехом ответила та.

— Проснулся? Ну что, пойдём ужинать? Пока ты спал, я борщ приготовила и рыбу пожарила…

— Нет, спасибо, бабуля! Не хочу я рыбу! Вспомни своё прошлогодние меню: уха, рыба жареная, пирожки с рыбой, пирог с рыбой, картошка жареная с рыбой… Ничего не забыл?! А! Рыба сушеная!

— Ты чего такой? Дурной сон, или покусал кто? – спросила баба Надя.

— Да. Комары покусали…

— Видимо, бешеные они, комары эти. – Бабушка Надя поднялась с лавочки и, посмеиваясь, пошла к калитке палисадника. — Ладно, Ивановна, спокойной ночи вам.

Попрощавшись с гостьей, закрыли ворота и во-

шли в дом.

— Ну, что? Будешь борщ?

— Нет, что-то не хочется, – покачал я головой. – А пирожки остались?

— Остались. Куда они денутся?!

— Тогда – пирожки и чай.

Мы пили чай, бабушка вновь задавала вопросы: кто чем занят, как живут и чем болеют… Я поглощал один пирожок за другим и в перерывах меж ними утолял бабушкино любопытство. Вроде бы всех вспомнили, обо всех поговорили, обсудили и решили, что – «как на роду написано, так и будет»…

Попив чаю, бабушка ушла в дальнюю комнату, туда, где у неё висели иконы. Я же вышел во двор и угостил остатком сладкого пирожка рыжего псёнка с очень редкой для этих мест кличкой «Шарик». Присел возле него, но меня в миг облепило комарьё, и я, отбиваясь от них, вернулся обратно. Бабушка ещё молилась, и я, от нечего делать, извлёк из сумки альбом для рисования и карандаши. Рисование – моё любимое занятие, всегда и везде! Выкладывая их на стол, заметил, что бабушка нашла и положила на столе мой прошлогодний альбом с рисунками. Просматривая старый альбом, на одном из листов наткнулся на стихотворение, написанное синим карандашом ещё тогда, в прошлом году:

Опустился вечер теплый,
Обнял сумрачным крылом.
Ветер, будто усыпленный,
Не дрожит уже листом.

Звезды мирно полыхают,
Полоня небесный свод.
Тихо звуки где-то тают,
Уносясь за горизонт.

И ворчливые старушки,
Зажигая свет лампад,
Собираются в избушке,
По углам, где боги спят.

Вернувшаяся бабушка разобрала постель и стала готовиться ко сну. Мне же спать не хотелось.

— Я пойду к себе в комнату, порисую, потом лягу…

— Иди, иди, Славик… Спокойной ночи.

— Приятных снов.

Сидя за альбомом для рисования, я призадумался: а что я буду здесь, в селе, столько времени делать?! Пока я был мелким, всё было интересно и любопытно, а сейчас? Скукотень!

Местные дети обычно с утра до вечера пропадают на речке — купаются, ныряют в Волгу, ловят рыбу, помогают своим родителям и бабушкам по хозяйству. Я же всегда с недоверием относился к этой мутной, илистой воде. Тем более, моя добрая бабушка всегда щедро потчевала меня историями об ужасных сомах, нападающих на детей. Купанье меня особо не прельщало, а к рыбной ловле я равнодушен. В общем – скука. И альбом для рисования — моё единственное спасение.

Проведя за рисованием и размышлениями

час-другой, стал засыпать и я. Выключил свет и запрыгнул в кровать. Старые пружины заскрипели, заскрежетали… Что ж, целый год на этой кровати никто не спал.

В окно светил уличный фонарь, жёлтым пятном покачиваясь на побеленной стене печи. Слух выхватывал из ночной бездны звуки. Перекличка собак, вопли котов, шум моторок на реке… Всё шло своим чередом, и село жило своей обычной жизнью, не затихающей даже ночью.

Сквозь сон донеслось: «Городские, они такие! Любят поспать! Да…»

Щёлкнула щеколда ворот. Открыв глаза, посмотрел на часы: без пятнадцати девять… Ещё раннее утро. «Городские, они такие… Да…» — мысленно передразнил я. Некоторое время я валялся в постели, глядя в проём двери, сквозь тюлевую занавеску, в сад, вслушиваясь в утреннее радостное чириканье воробьёв… Затем, не выдержав, встал и вышел в сад.

Под яблоней на деревянном настиле стоял самовар и, как заправский теплоход, дымил трубой. Судя по звукам, доносившимся из землянки, бабушка что-то стряпала в летней кухне. Прошлёпав в тапочках по деревянным настилам до кухни, увидел бабушку, жарящую картошку в большой сковороде на керосинке. Запах душистого перца и лука приятно щекотал ноздри.

— Доброе утро!

— Доброе... Умывайся. Сейчас позавтракаешь и пойдём, пока не жарко, сходим на кладбище. Цветы польём…

— Далось тебе, бабушка, это кладбище! Кому нужны там цветы? Мёртвым-то всё равно!

— Славик, это нужно живым, а не мёртвым. Это память и уважение.

— Ладно… Только я твоим коромыслом носить не буду. В том году все плечи подрал. Как люди ими воду носят? Это же неудобно! Вёдра болтаются, вода плещется, ноги из-за этого все в грязи! Ужас!

— Какие мы неженки! Так носи руками! Пару раз сходим, и всё… Поздороваешься с дедушками. А вообще – во всём требуется сноровка. Манны небесной не бывает.

Я пошёл умываться, и голос бабушки заглушился шелестом сада. Ветер играл кронами ветвей и гнал по голубому небу чисто-белые облака.

После завтрака, как и было запланировано, мы отправились поливать цветы у семейных могил. И, пока шли по улицам села, несколько раз останавливались для разговора с односельчанами бабушки, такими же, как и она, «бабульками-дедульками», сидящими на скамеечках подле своих домов. Зорко посматривающими вокруг и живо интересующихмися всеми новостями: кто женился, кто родился, кто умер, кто плох или хорош… Мне только и оставалось, что вздыхать и демонстрировать своё нетерпение. Наконец-то мы преодолели все препятствия на пути и благополучно прошествовали через кладбищенские ворота. Но и здесь бабушка нашла с кем поговорить, причём не только с живыми… Я страдал молча и пытался произвести сложное уравнение и поставить знак равенства между её заботой, вкусными пирожками и вот такими «общительными» походами, которые меня ждут впереди еженедельно. Но всё когда-нибудь заканчивается. Так и здесь. Наконец-то дошли мы и до цели нашего

пути – могилы дедушек и прабабушки.

— Живы мои цветочки. Растите, растите, родимые. Радуйте нас.

Бабушка заставила меня повыдергивать редкие кустики дикой ромашки на могилах и вокруг них, а сама принялась поправлять бумажно-проволочные цветы на могилках и подвязывать потрёпанные ветром венки. Затем мы пошли на ерик, что располагался за кладбищем, почти у подножия этого глиняного холма. Пришлось спускаться и подниматься аж два раза. Бабушка несла два ведра на коромысле, а я два в руках. Подниматься с ведрами, наполненными водой, не очень-то и приятно – и тяжело, и вода всякий раз из раскачивающихся вёдер норовила пролиться мне в сандалии.

Преодолевая моё недовольство, мы полили-таки цветы водой из ерика. Бабушка поговорила на обратном, кружном, пути со всеми умершими, кого знала, а знала она многих, и мы дошли почти благополучно – у бабушки порвался тапочек и дальше до дома она шла босиком. По пути, проходя мимо хлебопекарни, купили три булки горячего хлеба. Хлеб был мягок и ароматен, и я не удержался и ополовинил одну из булок.

Дома, убрав в землянку-кухню вёдра и коромысло, бабушка принялась растягивать старый шланг для полива, что меня очень удивило.

— Зачем? Ты же по утрам поливаешь, разве нет?

— Затем. Не слышал, что Степаныч сказал?

— Я не подслушиваю чужие разговоры…

— Вот и зря. Больше бы знал. Люди плохому не научат…

— Ну, как сказать…

— Завтра воды не будет. Ремонт порыва на центральной линии. Так что пусть поливаются грядки и деревья.

Я с сомнением смотрел на всё это, но помог растянуть шланг и состыковать куски его, так чтоб доставал до отдалённых уголков двора.

Тень деревьев и навеса кухни спасала от дневной жары. Солнце уже настолько сильно припекало, что даже деревянные дорожки в саду обжигали босые ноги. Попив компота, я сорвал несколько ещё зелёных и кислых яблок, разложив их по карманам шорт.

— Бабуль, я на речку!

— А обедать?

— Потом…

На улице уже проснулся ветер, закручивал пыль и гонял её из стороны в сторону. Село, казалось, вымерло. Даже собак не видно. Лишь с берега реки доносились ликующие голоса детей. Я перешёл дорогу, что шла от паромной переправы к рембазе, так называли жители свой завод. И в переулке сверкнула река и берег, поросший травой и камышом. Шёл я на голоса детей, к большому бревенчатому причалу, откуда обычно ныряли местные мальчишки и девчонки. По пути остановился у большой неглубокой лужи среди травы, в которой сверкали тела мелкой рыбёшки. Зайдя в воду, попытался поймать их руками, но они всякий раз бросались от меня врассыпную. Оставив безуспешные попытки, я замер, облокотившись о колени и опустив голову к воде. Наблюдал. Рыбёшки, успокоившись, мирно плавали вокруг. Некоторые вертелись у самых

моих ног, иногда их пощипывая. Щекотно! Стало совсем жарко, и приятная вода в луже, обволакивающая мои ноги, вернула желание купаться. К этой луже я вернусь завтра с сачком, переловлю их и отпущу в реку. Пусть растут и превращаются в большую рыбу. Лишь бы вода не высохла раньше времени. Выйдя из лужи, я отправился к причалу. По сути, это был пирс, метров на тридцать протянувшийся от берега в реку, собранный из мощных брёвен. Шёл вдоль береговой линии, сплошь забитой причаленными лодками. Везде из речного ила торчали трубы и мощные ржавые уголки. Большая часть лодок была прикована к ним цепями с замками, но некоторые, безмоторные, крепились верёвочными канатами.

Дети прыгали с причала, кто «ласточкой», кто «солдатиком». Некоторые для этого ещё и разбегались, чуть ли не от середины пирса. Деревянная конструкция причала гудела от обилия бегающих и прыгающих. Облокотившись о перила причала спиной, я замер и молча наблюдал за беснованиями местных ребят. Насмотревшись, разделся, решившись искупаться, но прыгать с причала не стал – место малознакомое, вдруг там бревно торчит где-нибудь... Спустившись по бревенчатой конструкции к воде, я увидел, что и под причалом оживлённо резвились дети. Они играли в «голи» — перепрыгивая с балки на балку или ныряя в воду и вновь взбираясь на брёвна причала…

Плюх. Нырнул в воду и с открытыми глазами поплыл. Тут же, прямо передо мной, кто-то «бомбочкой» плюхнулся, укутавшись фонтаном пузырей. Я стреми-

тельно вынырнул, едва не нахлебавшись воды. Вслед за мной из мутных вод показалась белобрысая голова. Девчонка! Смешливое лицо с веснушками.

– Ха-ха… Чо, испугалси, штоль?! – Захихикала она отплывая.

— Нет не испугался. Не ожидал…

Но она не стала слушать и, быстро доплыв до причала, вскарабкалась на него, и взобравшись на перила, вновь нырнула.

Поплавав ещё немного в стороне от прыгунов, взобрался на лодку дяди Пети обсохнуть и позагорать. Затем, перебирая руками цепь, подтянул лодку поближе к берегу и по колено в воде вышел на сушу, поднялся на причал, оделся и пошёл домой.

Последующие несколько дней моих каникул были ничем не примечательны: я собирал яблоки, полол траву, ходил купаться на речку и, да, я переловил-таки мелочь из лужи, а чуть позже и чуть дальше, среди травы, нашёл ещё одну, поменьше, только что пересохшую. Спасать уже было некого. Мне стало жаль эти серебристые тела мальков, засыхающие в иле…

Как всегда, я много рисовал, бродя по двору, а иногда и по селу с альбомом для рисования и делая зарисовки домов, землянок, лодок на побережье реки и собак с кошками. В свободное время, пропуская мимо ушей бабушкино ворчание — «лоботряс», валялся на рундуке, глядя в синее-синее небо, в самую его глубину. Наблюдал за облаками и искал в них фигуры и лица. Лошади, львы, головы людей и настоящие самолёты проплывали надо мной в этой невероятной высоте.

В один из дней поутру я решил прогуляться в Посёлок. Так называлась отдалённая часть села, располагавшаяся за рембазинским садом, в который мы, каникулярные дети, частенько забредали за сладким тутовником. Он рос за высоким забором, маня нас своими чёрными, реже белыми плодами. Не всегда нам удавалось им полакомиться мирно – иногда нас, мальчишек, сидящих на заборе и ветвях деревьев, заставал сторож и ругая, грозил принести свою двустволку и «жахнуть» по нам солью. Никогда этого не происходило, но мы, веря, стремительно сигали с забора вниз и со всех ног убегали. Домой приходили, как правило, с чёрно-сизыми руками и таким же перемазанным ртом.

— И куда ты собрался с утра пораньше? Они ж ещё зелёные!

Остановила меня бабушка, видя, как я срываю и распихиваю по карманам шорт яблоки.

— Бабуль, я к Вовке хочу сходить. Скучно…

— Тебе бы только шлындать. Штаны, штоль, нормальные одень. Так и пойдёшь в этих чертях?

— Бабушка! Не в чертях, а в шортах. У нас все так ходят…

— У вас…. У вас там всё не по-людски. В исподнем ходите. Срамота!

— Всё, бабуль, я ушёл.

Я уже был возле ворот и откидывал щеколду, когда бабушка вновь меня остановила.

-Славик! Ты хоть компот попей. Я свежий сварила. Пирожки сейчас испеку – сладкие и с картошкой. Как

ты любишь. И куда ты босиком. Сандали обуй. Опять хочешь ноги порезать?!

— Бабушка, босиком полезно ходить. Говорят….

— Говорят, в Москве кур доят. Люди много што говорят…

Выскользнув со двора, я припустил по улице бегом, опасаясь, что меня опять остановят и заставят надеть сандалии. Бабушкино ворчание стало неразборчивым и приглушённым. Проскользнув переулок, ведущий на зады и пробежав с пол-улицы, перешёл на шаг. Только тут я заметил, что за мной увязался Шарик. Остановившись посмотрел строго на незваного попутчика.

— Чо те надо? Ты что за мной бежишь, а?

Шарик, не понимая меня, часто вилял хвостом и преданно смотрел мне в глаза. Поняв, что мой тон слишком дружелюбен, я нарочито грубо и грозно прикрикнул на него.

— Иди домой! Домой! Домой, я сказал.

И видя, что и это не действует, я топнул ногой и зашипел на него.

— Пшо-ооо-л! Пшо-ооо-л! Глупый пес.

Для убедительности я извлёк из кармана яблоко и сделал вид, что кидаю в него. Шарик отбежал немного назад и, сев, стал наблюдать за мной.

— А… — махнул я рукой и побежал дальше. Пробежав ещё немного, я резко остановился и оглянулся. Шарик был уже возле меня и, также остановившись, присел, выжидательно посматривая.

— Ты что, Шарик, не понимаешь – там большие собаки будут. Порвут. Иди домой. По-о-ошол!

Мой взгляд упал на хворостину, валявшуюся у

моих ног. Я поднял её и замахнулся на собаку, по-прежнему вилявшую хвостом и, высунув язык, тяжело дышавшую.

Хворостина свистнула в воздухе и резко, поднимая пыль, опустилась радом с Шариком. Пёс взвизгнул от испуга и отбежал в сторону, обиженно посматривая на меня. Возвращаться домой он явно не собирался.

— Вот же ж, блин!

И тогда я запустил в него яблоком, которое по-прежнему было у меня в руке. Но яблоко почему-то полетело не в Шарика, а в сторону и попало в деда, выходившего в это время из ворот. Бабушка называла этого деда Бабаем. Я, понимая, что это не имя, никогда его так не называл. Точнее – я его вообще никак не называл, а просто здоровался и обращался на «вы».

— Здрасти. Извините.

Дед оценивающе посмотрел на меня, на собаку, на яблоко, откатившееся от него и лежащее теперь в пыли у его забора.

— С ентим делом надыть осторожней быть. Маненько думать надыть, а если в глаз кому пырнёшь?

Показал он пальцем на хворостину у меня в руке.

— Извините. – сказал я и бросил хворостину на землю.

— Непорядок. Дык, непорядок это.

Дед подошёл ко мне и, кряхтя, наклонившись, поднял ветку и, выпрямившись, укоризненно посмотрел мне в глаза.

— Она тут валялась. – Стал оправдываться я.

— Чой-та она тута валялась?! Откель взялась? Сама пришла валяться? Иди, иди, бала, а то тута учудишь ишшо што.

Он хлопнул в ладоши, пугая и прогоняя Шарика.

— А ты иди домой. Домой. Пшол. Пшол!

И дед, шаркая калошами по улице, пошел на Шарика, отгоняя его всё дальше и дальше.

— Откель… откель… — передразнил я деда. – Старый ворчун. Откель. Что за слово такое?! Откель-макрель.

Я пожал плечами и, развернувшись, вновь побежал. Пробежав ещё немного, остановился и обернулся – Шарика не было по близости, видимо, Бабаю всё же удалось его прогнать. Ну, что же, дальше можно идти, не спеша. Я стоял на насыпной пешеходной дорожке, выложенной декоративными прямоугольными бетонными плитками, и шла эта дорожка аж до клуба. Вот по ней и пойду до конца, пока она не кончится.

Из двухэтажного дома, мимо которого я шёл, со второго этажа доносилась грустная песня с сильным шипением и потрескиванием пластинки: «Здесь каждый дом найдём, хоть глаза завяжи. Где-то за тем углом детство в даль бежит. Ты погоди, погоди уходить навсегда. Ты приводи, приводи нас сюда, иногда.». Я остановился, заслушавшись приятным женским голосом и словами, будящими непонятную грусть от расставания с чем-то очень близким и дорогим. Даже странно – ведь все мы стремимся повзрослеть. И поскорее войти в мир взрослых, в мир новых возможностей. А песня лилась дальше, обрывая моё удивление…. «Детство моё постой, не спеши, погоди. Дай мне ответ простой – что там впереди? Будет спешить рассвет, будет снег, будет дождь. Только прошедших лет больше не вернёшь. Ты погоди, погоди уходить навсегда. Ты приводи, приводи нас сюда, иногда…». Дальше уже было

не слышно, так как на первом этаже женский голос начал ругать кого-то за разбитое мячом окно у тёти Любы. Не люблю, когда ругаются, и прибавил шагу. На перекрестье улиц – той по которой шёл я и улице Желябова, возле забора в тени яблони сидели два мелких белобрысых мальчишки возле опрокинутого ведра и рассыпанных яблок, один из них, явно помладше, размазывал слёзы.

— Не буду я их собирать. Сам собирай. Неча было толкаться. Я, вона, руку расцарапал из-за тибя. Скажу отцу, он тибе всыпит солдатским ремнём.

— Ябедничай, ябедничай. А я тогда не возьму тебя на рыбалку с Лёшой. Вот. Будешь сидеть дома и траву полоть.

Рыдавший умолк и нехотя встал, поправил ведро и принялся складывать в него яблоки. Я подошёл к ним.

— Привет, пацаны, что случилось?

Собиравший посмотрел на меня недовольно и, вытерев нос рукой, ответил.

— А сам не видишь, чо? Ведро тяжёлое, а Санька идёт и дергает меня. Упал… вона видишь? Заражусь бешенством и буду бросаться на всех, как наш Барбос в прошлом году.

И мальчишка, подойдя ко мне ближе, показал свою ладонь с крапинками крови.

— Ладно, давайте помогу. Ты тоже вставай, давай помогай, чего сидишь?

Втроём мы быстро собрали яблоки в ведро. Я его взял и посмотрел на мальчишек.

— И куда его?

— К реке, там нас заберёт Лёша на куласе, и пере-

правимся на ту сторону, товарненскую.

— На Товарном что, яблок нет? Таскать их от сюда.

— Есть. Но Лёша сказал, надо собрать яблоки у тети Маруси… после ветра много попадало… и ведро принести на берег. За это он нас с Санькой возьмёт на рыбалку.

— Понятно. Хитрый лис ваш Лёшка. Пошли.

Я и тот, что постарше, взявшись по сторонам, понесли ведро доверху наполненное яблоками, а младший шёл за нами. Нести ведро было неудобно – оно часто било меня по ноге, так как мой помощник явно сачковал. И посередине пути к реке я не выдержал.

— Всё, привал. Отдохнём. Ваше ведро всю ногу мне уже отбило. Ты что сачкуешь? Хочешь один нести? — начал я ругаться на мальчишку.

Санька, посмотрев на меня исподлобья, покачал отрицательно головой. Чуть отдохнув, мы вновь оба взялись за ведро…

— Племяш, эй племяш, ты куда собрался?

Я сразу узнал голос и потому посмотрел в сторону забора рембазы. Мы как раз были напротив крыши столярки.

— Я сейчас.

Сказал мальчишкам и побежал к забору.

— Вы где тут, дядь Петь?

— Здесь я, здесь, раздался голос над головой.

Я посмотрел вверх и увидел голову в кепке, с усмешкой глядевшую на меня.

-Что за пацаны и куда идёте? Что несёте? Стырили у кого? — устроил он мне дотошный допрос.

— Мальчишки с Товарного, собирали яблоки у какой-то тёти Маруси. Рассыпали их по пути, один, тот

что поменьше, расцарапал ладонь, когда падал. Несём к берегу…

— А потом куда?

— Потом пойду в посёлок к Вовке. Надоело дома сидеть.

— А к нам почему не зашёл? Не по-людски так. Мама с папой не учили быть вежливым? – отчитывал он меня.

— Учили… я собирался, но всё никак. Поливали на кладбище цветы, яблоки упавшие собирал…

— Яблоки, говоришь, собирал? Знаю, как ты их собираешь. Помогай бабушке. Вон, наш Сашка с утра уже и траву прополет, и яблоки соберёт, и на рыбалку сбегает.

— Я отдыхать приехал…

— Отдыхать? Это и есть активный отдых. Ты отдыхаешь от школы и уроков. Смотри, чтоб я больше не слышал, что бабушке не помогаешь. Понял? Давай, беги дальше.

Я вернулся к мальчишкам, недовольный тем, что меня отчитали. Они внимательно смотрели на меня, и младший, не выдержав:

— Дальше не поможешь?

— Помогу, пошли.

Мы взяли ведро и пошли к берегу. На берегу не было ни куласа, ни Лёшки.

— Может он в другом месте ждёт вас?

— Нет, здеся, сказал, будет. А вона он.

Мальчишки дружно показали в сторону Товарного. Там, почти уже на середине реки, сидящий в кулясе, спиной по направлению движения, усиленно грёб вёслами, преодолевая течение реки.

— Ладно. Тогда я пошёл. Пока, пацаны.

— Спасибо. Покеда.

За спиной послышались голоса. На деревянный причал вкатилась ватага ребят. Именно вкатилась – в инвалидной коляске сидел Николай, парень лет девятнадцати, у него ДЦП, и его коляску вкатили на доски причала его друзья. Всего их было шестеро, причём двое шли почему-то, громыхая по доскам, на ходулях… Они подкатили почти к самому краю, и те двое, что шли на ходулях, прыгнули с воплями в воду, распугивая немногочисленных купальщиков этого утра, прыгнули с ходулями вместе. То, что отчаянные головы прыгали в воду с велосипедами, я уже видел, но чтоб на ходулях?! Они так громко орали, что с противоположного берега прилетело эхо, отражённое от заборов и домов.

— А-а-а…. она меня ударила по голове…

— Кто, Димка, тебя ударила?

— Ходуля! Сашка, давай прыгай! Только не на голову мне…

Я решил к ним подойти поздороваться и потому, чтоб не обходить по берегу, забрался на причал по его конструкции.

— А, Славка, присоединяйся – пошли купаться! — завидев меня, прокричал мой кузен Саня, сын дяди Пети, только что взобравшийся на причал из реки и вновь прыгнувший в воду.

— Не-е…, не хочу.

Я подошёл к коляске Николая и поздоровался с ним. Его тёмная гривастая голова тут же повернулась

ко мне.

— Славик, что не заходишь? Мы бы в шахматы поиграли. Вместе бы порисовали… Ты что-нибудь рисовал, приехав?

— Рисовал, конечно…, что ещё делать? У бабушки телека нет – даже «В мире животных» не посмотришь.

Николай никогда не ограничивался одним вопросом, а сразу выдавал серию. Его цепкий пристальный взгляд, казалось, рентгеном просвечивал всякого собеседника, и мне от такого взгляда всякий раз становилось неловко. Он был значительно старше меня, но радовался жизни, как ребёнок, интересуясь буквально всем. Не голова, а дом советов. Всё увиденное, услышанное или прочтённое удерживал в голове. Стремился научиться всему мало-мальски полезному. Даже пытался на баяне играть…

— Так, что, в шахматы играть будем? Пошли ко мне? Сейчас друзья мои накупаются…

— Пока твои друзья накупаются я буду уже в посёлке. Потом… зайду… завтра, наверное. Я, может, сегодня останусь там с ночевой. У Вовки всё веселей, чем у бабушки, и телек есть. И кулас тоже есть. Может, на тот берег сплаваем – давно хочу там побродить.

— Ну как знаешь… Я начал читать Эрих Мария Ремарк – «Три товарища». Читал? Очень увлекательно пишет.

— Нет. Не читал… Пойду я, ладно?

— Ну, заходи. Я буду ждать. Что Саньке сказать?

— Завтра зайду.

Я попрощался с ним и пошёл быстрыми шагами к рембазе, а затем вдоль забора до летнего кинотеа-

тра и клуба. На моём пути стоял продуктовый магазин, и я не смог пройти мимо него – там всегда ароматно пахло свежим мумринским хлебом. Прилавки, расположенные буквой «п», отделяли меня от заветных вкусностей. Походив вдоль прилавков и вдоволь надышавшись ароматами, я вспомнил, что у меня в кармане шорт должны быть копейки, достал их – пятнадцать копеек. Я с сомнением посмотрел на полки с конфетами и печеньем – что здесь можно купить на пятнадцать копеек? Если только… гематоген в аптеке. Точно! Но в посёлке нет аптеки… а возвращаться не хотелось... В итоге, продавец в магазине предложила мне взять на пятнадцать копеек — щербет. Дальнейший путь мой прошёл уже приятней – щербет скрашивал дорогу.

По левой стороне забор рембазы, проходная, забор… по правой — дома, восьмилетняя школа и вновь дома… Ну, вот и посёлковая часть Мумры. Иду прямо, никуда не сворачивая – ещё немного, и будет нужный мне переулок.

Лето уже в самом разгаре – у многих в палисадниках и дворах начал спеть абрикос. Его ярко-оранжевые плоды обильно, яркими пятнами, горели среди листвы. Только у бабушки почему-то одно абрикосовое дерево, да и то – позднее. У бабушки даже груш нет. Что за жизнь? Хочешь грушу? Иди попрошайничай. Зато несколько яблонь – и ранние, и осенние, и… обычные нормальные. Так, вот он, этот переулок, ведущий к моим родственникам. Сворачиваю в узенький переулок меж домами и выхожу на улицу, идущую вдоль реки, прохожу один дом, и вот знакомый мне палисадник с высоким тополем. Возле калитки стоят две женщины.

— Надысь, вчера мой припёрся весь…

— А, Славка! Выбрался-таки до нас? Иди во двор – Вовка там. Вырос-то как… почти как наш Вовка стал, но пониже, разве только, и такой же худющий…

— Здрасти.

Меня потрепали по плечу, по голове и пропустили через калитку. Во дворе на меня накинулся с лаем их пёс Полкан. Старый уже.

— Полкан, Полкан. Ты что, не признал меня?

Полкан, услышав мой голос и радостно завиляв хвостом, лениво подошёл ко мне, обнюхал и, успокоившись, пошёл в тень дома — лег на голую землю.

Из летней кухни, беседки, забранной рейками наперекрёст в виде ромбов и крашеной голубой краской, вышел двоюродный брат Вовка. Он держал в руке большой кусок хлеба, обильно политый повидлом.

— Здарова! Заходи. Будешь повидло с хлебом? Ещё горячее, правда. Мать только сняла с плиты.

Он откусил смачный кус хлеба, отчего часть повидла упала на землю. Полкан, недолго думая, подошёл и слизал его и вновь посмотрел на хозяина — не перепадёт ли ему ещё чего.

— Привет. Нет, повидло не буду, лучше чая налей – пить хочу. По дороге купил плитку щербета…, сладкий слишком.

— Сам наливай. У меня руки липкие… а чо мне не принёс? Щербет…

— Не донёс – долго шёл.

Я налил себе тёплого чая в большущий бокал – здесь иных почему-то не водилось — и с наслаждением осушил его. В это время в беседку заходит тётя Юля и, глядя на Вовку, начинает возмущаться.

— Ты что делаешь, паразит, а? Повидло не доварено! Ты хочешь, чтоб оно прокисло?

— Ой, да ладно, ничего с ним не будет – ты же его доваришь…

— А с тобой, ты уверен, что ничего не будет?

— Славик, пошли отсюда – в саду посидим, поговорим. Там не так жарко, как здесь, и малина рядом.

— Ты мне прекрати малину-то уничтожать! На зиму варенье из чего буду варить?

— Да до зимы ещё созреет.

Мы с Вовкой прошли под развешенным сушившимся бельем и сели на скамейку в конце сада, напротив свинарника, откуда доносилось похрюкивание и периодическое визжание.

— Как бабушка там?

— Нормально. Ты чего её не навещаешь? Она жаловалась на тебя.

— Когда? Мне вон в летнюю школу надо ходить… Придумали тоже… Говорят не будешь посещать занятия – оставим на второй год.

— У тебя кулас ещё есть? – Перебил его я. — Ты в прошлом году обещал свозить на тот остров…

— Какой остров? А… на тот берег… напротив нас… да хоть щас. Всё равно делать нечего.

— Вовка, смотри… что там такое в курятнике? Ворона что ли? Залезла, а вылезти не может…

— Вот, зараза! Мам! Мама! Карга в курятнике.

Прибежала тётя Юля.

— Опять?! Ах ты ж, сволочь какая! Мало тебе утащенной рыбы, так ты ещё и у кур воруешь комбикорм. Ну, я тебе сейчас задам, ой, задам…

Тётя Юля хватает палку, стоящую возле соседского забора, и заходит в курятник. Ворона начинает дико метаться, каркать. Куры всполошилась – мечутся по курятнику. Все орут – куры, ворона, тётя Юля. Полетели перья – видимо курам перепало сгоряча. Наконец, хозяйка торжествующе хватает затихшую ворону и показывает нам. Тётя Юля выходит из курятника с вороной, бросает ту на сложенные под навесом, меж курятником и свинарником, дрова. И торжествующе говорит:

— Пусть пока валяется. Потом может поросёнку отдам..., или чучело сделаем — карг пугать.

Тётя Юля уходит. Я с сожалением смотрю на ворону. Жалко птицу. Всего лишь поесть хотела... Расплата пришла быстро... Правда жизни.

— Пойду, повидла намажу. Ты будешь?

— Нет. Не хочу. Что, поплывём сейчас или нет?

— Поплывём. Дай поесть. Я до тебя грядки тут полол. Надо пожевать теперь.

Вовка ушёл, а я решил подойти к вороне. Большая, чёрная с серой грудью. Говорят, они очень умные птицы. Я потрогал её – она не шевелилась. Убили. Приподнял, разворачивая ей крыло – рассматриваю. Чёрные перья отливают легкой зеленью. Оставил её в покое и пошёл сел на скамью, затем встал и перебрался к зарослям малины. М-м-м... вкусно.

Пришёл Вовка. Проходит мимо меня и идёт к задним воротам.

— Подожди, я сейчас, мать послала в магазин за хлебом. Говорит, что я весь его сожрал...

Я продолжил поедать малину. Вдруг слышу, что-то падает сзади меня. Обернувшись, вижу ворону, стоящую на дровах. Внизу валяется полено. Ворона стоит

перекошенная, качающаяся, с безвольно свисающими крыльями. Смотрит на меня боком, опять падает на дровах, покачиваясь, вновь встаёт.

— Это ты зря, птица. Увидят тебя – добьют.

Подхожу к вороне и пытаюсь её взять в руки. Не даётся, однако, норовит меня стукнуть клювом. Я отвлёк её внимание левой рукой, а правой поймал за шею, а затем за ноги. Ворона, раскрыв клюв, тяжело дышала, посверкивая на меня чёрным глазом, пыталась бить крыльями. Хорошо, хоть молчит, не каркает. Я закинул её на крышу свинарника, рассчитывая, что она оклемается и улетит. Ворона села раскрыв крылья, и безумно посматривала по сторонам. В это время стукнула, закрываясь, калитка – пришёл Вовка из магазина, неся две булки хлеба.

— Свежий хлеб. Будешь? Пошли, отдадим и поплывём.

— Буду.

Он мне отламывает кусок хлеба. Вкусный, мягкий хлеб. У нас в городе такого нет. Сюда можно приезжать уже только из-за хлеба. Вовка заходит под навес, оставляет хлеб, и мы идём к выходу.

— Куда собрались?

— На куласе Славку покатаю, на тот берег сплаваем.

— Не очень долго. Скоро щи будут готовы. И веники нарежьте! Двор нечем подметать…

— Ладно.

Мы выходим и идём вдоль улицы к переулку, выходящему на берег реки.

— Эй, пузан, куда собрался?

Из соседнего двора в палисадник выходит одно-

классник брата.

— А тебе какое дело? Куда надо, туда и собрался.

Мы скрываемся в переулке. В конце него видно реку. Проплывает моторка, резко грохоча эхом. Плотно стоящие дома с одной стороны и деревья на другом берегу отражают, усиливая звук.

— Почему пузан? Ты же худой.

— Худой..., а пузо есть. – Вовка смеётся и гладит себя по выпирающему животу.

Вовка идёт без рубашки, и его рёбра легко пересчитать, настолько он худой. Хороший экземпляр для художника... Мы выходим на берег, спускаемся на подмостки. Часть их притоплена рекой. Вовка отвязывает свой кулас от сваи, укрепляющей берег от размыва течением реки.

— Садись. Чо ждёшь.

— Как я сяду в него? Ты придержи свой кулас – опрокинется ещё...

— Город на тебя плохо действует, Славка. Кулас не осёл, а вполне смирный Пегас.

— Вот именно: кулас это осёл, а лодка – Пегас. Придержи.

Вовка придерживает кулас. Мы усаживаемся, он отталкивается веслом, и нас сносит течение. Я с опаской смотрю на то, что он не торопится браться за вёсла.

— Нас же сносит...

— Дальше моря не унесёт, — смеётся брат. – А сам грести не хочешь?

— Не умею я.

— Сейчас научу...

Брат берётся за вёсла и налегает на них. В не-

сколько взмахов оказываемся на середине этой узенькой речушки. Он мне передаёт вёсла.

— На, пробуй. Не так. Руками вместе…, одновременно. Спиной помогай…

Кулас от моих гребков дёргался то в одну сторону, то в другую. Не смотря на все мои усилия нас сносило течение.

— Ладно, давай я сам. Для первого раза сойдёт.

Вовка забирает у меня вёсла и быстрыми и ловкими движениями посылает кулас в нужном направлении. Мы причаливаем возле корня большой ветлы. Выходим на берег. Здесь, как в джунглях – заросли трав, камыша, стоят высокие деревья, сквозь крону которых почти не видно неба. Пробираемся сквозь заросли и выходим на поляну в круге деревьев.

— И всё? Как-то неинтересно здесь.

— А ты чего хотел? Чтоб здесь обезьяны по деревьям скакали и бананами кидались?

— Думал: руины какие-нибудь увидеть…, старый корабль на берегу, или подбитый самолёт. Бабушка говорила, война же тут тоже была…

— Слушай больше! Нет здесь ничего. Сюда плавают за вениками. Вон ту траву косят, вяжут в пучки и всё – готов веник двор подметать.

— С той стороны что?

— Сам же знаешь –река. На «Ракете» там проплывают…

— Ах, да, точно. Не сориентировался…Пошли тогда обратно, что тут бродить?!

— Веники нарежем… У меня перочинный нож есть. Пошли.

Это оказалось сложнее, чем я думал: мошкара

всякая лезла в глаза, нос и уши, комары откуда-то взялись..., ещё и солнце припекает...

С охапками нарезанной травы мы пошли обратно на берег к куласу. Но его не оказалось на месте.

— Вот гад. Васька угнал... Видишь, привязал на нашем берегу.

— Это тот, что тебя «пузаном» назвал? И как мы отсюда теперь выбираться будем?

— Так же, как и он сюда – вплавь. Траву на берегу оставим, и поплыли...

— Не..., я не поплыву..., вдруг там сом, или кусок сети с крючками на осетра? Бабушка говорила...

— Бабушка говорила... Ладно, как знаешь, а я пошёл...

Вовка бросает охапку травы на берегу и ныряет в реку. Из-за сильного течения его сносит вниз. Переплыв, он по задворкам домов пробирается в свой переулок, к куласу и садится в него. Из двора на берег выходит Васька, угнавший кулас, и они о чём-то говорят и показывают в мою сторону. Смеются.

Что-смешного-то? Ну, да, не вызывает у меня доверия мутная река.... Утонешь — не найдут, не то, что море – каждый камушек на дне видно.

Наконец-то, брат отталкивается от подмостков и плывёт на этот берег. Мы грузим будущие веники и переправляемся с острова в посёлок. Привязав кулас и собрав охапки травы, идём домой.

— Наверное, щи готовы уже. – Мечтательно говорит Вовка. – Что-то есть захотелось...

Подходя ближе к дому, мы заслышали крики тёти Юли и Вовкиной сестры – Галины.

— Ах, ты ж, гадина крылатая!

— Ой, батюшки, что это творится! Что ж она, зараза-то, наделала. Всё бельё! Всё бельё!

— Ружьё мне, ружьё дайте – самолично пристрелю паразитку!

С братом вбегаем во двор и видим удивительную картину: чистое бельё, висевшее на верёвке, теперь разбросано по двору. Тётя Юля и Галина собирают его, причитая.

— Собирайте прищепки, охламоны, что стоите? Не видите, штоль… Зенки раскройте!

Мы с Вовкой бросаем охапки травы меж беседкой и погребом и включаемся в работу. Вроде, всё собрано.

— А что случилось? Кто раскидал бельё?

— Вова, мозгами шевели! Кто мог раскидать бельё, я, штоль. – Возмущается сестра. – Карга, будь она неладна.

— Так, парни, взяли корыто, в него бельё и на речку – полоскать. Живо. Выметайтесь.

Тётя Юля в ярости, и с ней лучше не спорить. Берём большое корыто, скидываем в него перепачканное землёй бельё и, взяв его за ручки, отправляемся полоскать. Во двор уже набились соседи и с ехидством оценивают произошедшее, комментируют событие.

Возле своего двора опять стоит Васька, встречает нас, широко улыбаясь и посмеиваясь.

— Ну что, пузан, работёнки карга подвалила? Ружьё дать?

— Отвянь. Достал уже. Лучше помоги прополоскать.

— А сопелки тебе не вытереть? Большой уже –

справишься. Вон, городской у тебя в помощниках.

На берегу прямо на подмостки мы вываливаем из корыта бельё. И хмуро полощем. Вовка, меж делом, возмущается.

— И откуда эта карга взялась? Та, штоль, ожила?

— Да. Та ожила. Я сам её на свинарник закинул…, на крышу, в смысле…

— Не фига се! Ты сдурел?! Мать узнает — кердык тебе. Видел, какая злая? Той же палкой, что каргу гоняла, тебе наподдаст.

— Сейчас прополощем, и я домой. Как говорит бабушка: от греха подальше.

— Ты же остаться хотел? – уже ехидничает Вовка.

— Не…, домой. Бережёного бог бережёт, как говорит…

— Как говорит бабушка… Слышали мудрости стариковские, знаем.

Мы дополоскали бельё, отжимая и складывая его обратно в корыто.

— Уф, всё наконец-то. Если карга ещё раз раскидает – сам будешь полоскать.

— Я домой, и матери не говори про ворону. Блин, потяжелело корыто.

Выйдя из переулка, мы увидели картину, заставившую нас бросить корыто с бельём. Над Вовкиным двором кружила с карканьем стая воронья, пикируя на кого-то вниз и вновь взлетая. На улице стояли зеваки. Цирк приехал…

— Ни фига се, что творится! Ну ты, Славка, удружил.

— Пойду я лучше отсюда.

— Куда?! Помоги дотащить.

Мы запёрли корыто во двор.

— Убирайте! Убирайте под навес. Прячьте.

Двор весь был усыпан обломками ветвей, разбросанными яблоками и абрикосами. Тётя Юля стояла посередине двора с кастрюлей на голове и палкой пыталась согнать непрошенных гостей с плодовых

деревьев. Галина испуганно выглядывала из беседки. Мы втянулись с корытом под защиту крыши, и Вовка укоризненно на меня посмотрел. Я приложил палец к губам – «молчи, не сдавай меня»!

— Послали за папиным другом – должен прийти с ружьём, — сказала Галина. – Ужас какой! Белены эти карги объелись, штоль?

— Всё, я пошёл домой.

Я быстро выскользнул со двора на улицу и, протискиваясь меж толпы зевак, побежал в переулок. Домой, домой. Подальше от этого хаоса. Не успел я войти в переулок, как надо мной с карканьем пронеслась ворона, затем вторая…

— Блин, что вам надо от меня-то?

Я прижался к забору и присел. Вороны кружились, выцеливая меня. Парочка села на забор подальше от меня и выжидала. К забору подошла соседка.

— Что, Славик, и за тебя карги взялись? Они зло долго помнят. Накось вот, возьми ветку, держи её над головой – не тронут тебя. Полетают, покаркают и отстанут. Держи.

Она протянула мне через забор сухую ветвь. И, хлопая в ладоши, согнала ворон с забора.

Взяв ветку и прижав её к себе, пошёл. Карги продолжили кружение и галдёж надо мной. Но уже через несколько шагов, пока я шёл, защищая себя от нападения сверху, меня ущипнули за ногу. Я с удивлением поворачиваюсь и вижу двух отскочивших от меня ворон. Отскочивших, но не улетевших и выжидательно на меня посматривающих. Они быстро поняли, что сверху я защищён, и решили цапнуть за ноги.

— Вот заразы. С рогаткой буду ходить, тогда и посмотрим, кто тут главный.

Я пнул по воздуху ногой, прогоняя их. Дальше шёл, постоянно озираясь и посматривая за воронами, прыгающими по земле за мной. Так и шли мы почти до самого конца рембазы – вороны, каркающие надо мной и прыгающие след-в-след по земле. Встречные прохожие с любопытством наблюдали за ситуацией, но не вмешивались. Видимо, не хотели стать объектом преследования этих пернатых террористок.

— Не прошло и три года. Вы, наконец-то, соизволили до нас дойти?

— Да, дядя Петя, мы соизволили добраться до вас

по этим не по-королевски пыльным улицам… Позвольте пройти?

— Проходи, проходи, юный паяц. Санька там в огороде траву полет – можешь помочь с прополкой.

— Конечно помогу – расскажу смешную историю, и ему легче будет полоть дальше.

— Слава, ты вовремя – сейчас будим садиться за стол. – Из кухни вышла к нам тётя Ира.

— У нас сегодня картошка…

— С рыбой. – перебиваю я тётю.

— Не только с рыбой, но и капустой, и луком, и перцем, — не поняв моей иронии, спокойно отвечает тётя Ира.

— Мать, — обращается дядя Петя к супруге, — я сейчас есть не буду, корми домашних, а мне надо на реку – движок лодки посмотреть, что-то чихать стал часто. А завтра с утреца на рыбалку отправлюсь.

Я прошёл во двор. Санька на корточках сидел возле грядки помидор и дёргал невесело траву.

— Приветствую вас, православные! Бог в помощь!

— И вам не хворать.

Санька подозрительно смотрит на меня.

— Ты что такой странный? Карга в голову клюнула?

— Кто тебе рассказал про ворон?

— Каких ворон? Никто ничего не рассказывал. Странный ты сегодня, вот и всё…

— В посёлке прикольно было…

И я поведал Саньке о мести вороны.

— Сашка, Славка, ужинать идём. Все готово. Руки мойте.

Мы подошли к умывальнику, стоящему во дворе, и, передавая по очереди кусок мыла, помыли руки.

— Представляю Вовчика, — смеётся Санька, — бегающего по двору с тазом на голове, а на него пикируют карги-бомбардировщики…. И птиф, птиф — очередь белых отметин-попаданий.

Мне тоже живо представилась эта сцена, и мы загоготали в два голоса.

— Вовчик… с тазом, как зонтик… и птиф-птиф… карги над ним… а он мечется, ища укрытие, — ухохатывались мы.

Тётя Ира вышла на рундук и с удивлением смотрит на нас.

— Вы чего тут пугаете всех?

— Мам, Славка в посёлке учудил… каргу спас… а расплата настигла Вовку… — и Санька вновь принялся хохотать.

Тётя Ира вопросительно посмотрела на меня, и я вкратце пересказал случившееся сегодня в посёлке.

— Да уж, удружил… ладно, всё, за стол пошли…, потом ещё посмеётесь.

Довольно быстро поев, мы с Санькой вышли и сели на рундуке. Санька ко мне поворачивается, хитро прищурив глаза.

— Птиф-птиф… карги стреляют очередью… бедный Вовчик…

Посмеявшись ещё некоторое время, мы успокоились.

— Икается Вовке сейчас…, хватит над ним смеяться, — решаю вступиться я за брата.

— Вот именно! Это ты должен там бегать… представляю – Славка бегает по двору, а над ним карги…

птиф-птиф…

Смеяться над собой мне не очень-то хотелось.

— Пойду домой. Бабушку повеселю историей. Пока.

Я попрощался с братом и пошёл к выходу.

— Что, уже уходишь? — Тётя Ира вышла из кухни.

— Да. На сегодня хватит приключений – я домой.

СТАРЫЙ КОРАБЛЬ

Утро нового дня началось с прихода гостей: Вовки и тёти Юли. Причём было ещё очень рано. Спрашивается, и чего людям не спится в такую рань? На улице ещё прохладно, зябко, а они уже по селу бегают – спать людям не дают. Сквозь утреннюю дрёму я распознал знакомые голоса. И, конечно, первая моя мысль: сдал-таки меня Вовка! Брат называется…Не случайно же они пришли? Только что им там так весело? Смеются чего-то… Я перевернулся на раскладушке к стенке, чтоб их не слышать, но сон начал растворяться в смехе гостей и назойливом тиканье настенных часов.

— Ну, вот и самовар закипел. Попьём чайку с чикаладными конфетками. А Славка пусть и дальше спит – нам больше достанется.

Это бабушка… Не пойму только, всерьёз или посмеивается? Интересно, откуда конфеты шоколадные? Что-то тут не то. Если тётя Юля с жалобой, то конфеты как-то не к столу… Меня начало раздирать любопытство, а тут ещё и Вовка подначивает:

— Славка вчерась на острове хотел фашистский самолёт найти. Говорит, война тута была. Я вспомнил, что к нам в прошлом году, за посёлком, старый ржавый корабль пригнали. Хочу сводить туда Славку на экскурсию.

Ладно, встаю. Я тут назойливое тик-так слушаю, а они там чаи пьют… без меня, с конфетами «чикаладными». Я резко соскочил с раскладушки, так что она заскрипела всеми своими сочленениями, быстро оделся, накинул покрывало на плечи, чтоб не замёрзнуть, на всякий случай.

— Проснулся? Долго ты спишь, Славик, а мы тебе уже и кружку приготовили. Присоединяйся к нам.

Бабушка налила из самовара чай в мой бокал и поставила на стол возле себя. Гости сидели по торцам стола, а бабушка – у самовара, напротив. Я прошёл и сел рядом с бабушкой, справа от неё, ближе к Вовке.

— Здрасти! Привет, Вовка. Что так рано?

— На экскурсию хочу тебя сводить, а потом у меня дела: летняя школа.

— У тебя и с утра дела: кур покорми и поросят.

— Да понял я, понял.

— Слава, а что умываться?

— Пока я буду умываться, здесь конфет не останется. Вовку вон за уши от них не оттянешь.

— Иди, иди умывайся. Не дрейфь! – Засмеялся Вовка. – Тут контролёров и без тебя хватает.

— Не-а, фигушки — потом умоюсь.

На столе стояли свежеиспечённые блины, обильно обмазанные сливочным маслом и посыпанные сахаром. Вовка налегал и на них, и на конфеты.

— Вова, совесть имей. – Осадила сына тётя Юля. –

Пользуешься добротой бабушки.

Бабушка забрала у меня покрывало и положила на кровать под навесом.

— Завтракай, завтракай…

Похоже, надо начинать с блинов, а с конфетами его и без меня пресекут. Уже пресекли. Я взял жирный и ещё горячий блин, свернул его вчетверо. Вкусно! Хорошо утро начинается. Как говорил герой комедии: «Жить хорошо! А хорошо жить – ещё лучше»!

— Ладно, я пойду на водокачку, — тётя Юля поднялась и внимательно посмотрела на меня, — не учуди и сегодня чего-нибудь. Вчера карги много сливы побили… Не хотелось бы, чтобы сегодня пожар случился или ещё чего…

Бабушка пошла проводить свою дочь до калитки. А мы с Вовкой быстро расхватали шоколадные конфеты и сложили, каждый возле себя, горочкой. Пришла бабушка.

— Ах вы, бесстыдники такие. Бабушке, значит, не надо чикаладных конфет?! Ну-кась, сюда всё, в вазочку, ложьте! Ложьте-ложьте. Вот, а это вам.

Бабушка выделила нам по три конфеты: по одной «Мишка на севере» и по две «Театральной».

— Справедливости ради, мне положено больше: Вовка уже лопал, когда я пришел…

— Спать меньше надо, — перебила меня бабушка, — Тому, кто рано встает, бог подаёт.

— Скажи ещё, что бог тебе конфеты принёс…

— Все мы под Богом ходим. без его ведома ничего не происходит. Баба Надя конфетки принесла.

— Войну тоже бог насылает, болезни?

— Не богохульствуй, Славка! А то я…

— Ладно, ладно – молчу уже.

— Пойду за керосином схожу, а то готовить не на чем… Побудьте здесь, пока не вернусь.

Бабушка с алюминиевым бидоном ушла за керосином. А мы допили налитый в бокалы чай, налили ещё и, пока блины ни закончились, не встали из-за стола.

— А чего вас в такую рань принесло-то? Экскурсия — экскурсией, но не вдвоем же по утрам…

— Вон, видишь? – Вовка повернул ко мне свою голову, показывая на расцарапанную щёку. – В больничку ходили. Мать испугалась, что зараза какая прицепится ко мне. Укол сделали. Из-за тебя, между прочим — карга напала на меня… Ты, как всегда, затеешь, а мне достаётся. Хорошо, карг вчера постреляли… в кого попали, а остальные улетели.

— Жаль птиц. А когда я что затевал? Я мирный товарищ…

— Помнишь, в детстве ты мою гармонь разобрал? Сказал, что лучше на свистульках дудеть, чем на гармони играть. Тебя только за уши оттаскали, а мне ремня влепили за то, что позволил тебе её разобрать.

— Тебе, брат мой Вовка, всыпали ремня не за то, что ты позволил разобрать её, а за то, что сам её не сломал раньше меня. Не любопытный ты. А любопытство – это стремление к знаниям, стало быть – отсталый ты человек.

— Я и смотрю: ты – знающий! Ха-ха… Самолёт у нас на острове хотел найти… Пойдём, я покормлю птицу и, так и быть, покажу тебе ржавый корабль. Соприкоснёшься с историей местного флота.

Вернулась бабушка с керосином и отпустила нас

«на все четыре стороны», лишь бы целыми вернулись.

Дома у Вовки был уже отец, вернувшийся с рыбалки. И, конечно, ко мне было повышенное внимание. Пока Вовка разбирался с кормлением кур и свиней, мне устроили выволочку:

— И что это вчера было? Что за вражеский налёт ты тут нам устроил?

— Я-то причём здесь, дядь Саш? Я, что ли, ворону в курятник загонял, палкой бил?

— Надо было добить, раз увидел, что она очухалась.

— Я не убиваю животных…

— Твой отец – охотник, твой дед был охотником, а ты: «Я не убиваю животных». А!

Дядя Саша махнул на меня рукой и ушёл в дом. Пришёл Вовка.

— Ну что, досталось тебе?

— Злорадствуешь?

— А что, только мне отдуваться? Пошли. Компот давай попьём и пошли. Компот, кстати, из тех яблок и сливы, что карги вчера посбивали.

— И…?

— Нет, просто…

Мы напились компота и отправились в поход за село. Долго идти не пришлось – посёлок — окраина, на углу меж двух речек. Корабль я заприметил издалека – он сильно выделялся средь зелени яркой ржавчиной.

Корпус судна стоял почти полностью на суше, на отмели, частично завязнув в иле, и слегка накрененный на один бок. Вокруг молодой камыш, перед но-

сом корабля береговой вал, защищающий село от подтопления при подъеме реки весной. Так мне когда-то объясняли. С этого вала на нос корабля мы и взобрались по двум спиленным стволам дерева, нарочно положенным так, чтоб можно было ходить по ним.

В исследовании старого судна мы ограничились верхней палубой. Я попытался, конечно, спуститься вниз, но там была вода: в боку зияла небольшая дыра, которую снаружи было не заметно. Внутри квакали лягушки, роились комары и, наверняка, были змеи. Корабль был стар, ржав и частично уже разобран. Кое-где ещё сохранялись следы белой краски, но, в основном, он был коричнево-рыж. Полазив немного по капитанской рубке, мы вернулись на нос этой ржавой посудины. Здесь возвышался механизм из крупных шестерёнок – не то для подъёма цепи, не то сети поднимали лебёдкой… я попытался прокрутить шестерни, но они не поддавались. Уже потеряв интерес и собираясь спуститься с носа на берег, услышал оклик Вовки:

— А у меня получилось. Смотри, двигается шестерёнка.

Я подошёл и увидел, как он с усилием, но слегка проворачивает их. Попробовал и я, но у меня опять не получилось. Тогда я обошёл механизм и попытался с обратной стороны сдвинуть шестерни. И они хоть чуть-чуть, но подвинулись… И тут заорал Вовка.

— Назад, назад! Палец…

Я что было сил прокрутил назад и, подбежав к нему, увидел мятый, окровавленный палец его руки. Он держал руку перед собой и дул на палец.

— Сломал?

— Не успел. Лишь кожу помял… надеюсь… Надо

домой – рану обработать. А то точно благодаря тебе мне придётся делать уколы от столбняка. Больно….

— Кто тебя просил пальцы туда подсовывать? Я, что ли? Опять я виноват… Может, сразу в больничку?

— Нет, пошли домой. Отец обработает.

Мы быстро спустились по брёвнам и торопливо пошли к дому.

— Сильно больно?

— А как сам думаешь?

— Ну извини, я же не специально…

Хорошо, что дома был только дядя Саша – обошлось без паники и истерик. Рану обработали марганцовкой, помазали зелёнкой и забинтовали.

— Хоть один плюс от этого похода – писать в школе не придётся. Правая рука…

— Ну, вы и бестолочи! Что вам там надо было? Там заразы всякой… Может, и холера есть. Надо всё-таки к врачу идти или «скорую» вызвать.

— Пап, не надо. Нет никакой холеры: уже вся Мумра и весь посёлок там побывали, перецарапались и перемазались, и все здоровы.

— Славка, ты – настоящая ходячая катастрофа. Вечно у тебя какие-то события. То вилку в розетку затолкаешь, то дома чуть пожар не устроил, поставив раскалённую кастрюлю на диван. – И видя моё удивление, поясняет. — Разогревая борщ матери на обед… Пока он не обуглился…

— Вы что, летопись ведёте? Откуда всё это?

— От родителей твоих, умник. Летопись ведёте… А ты помнишь, как моего отца огрел кружкой алюминиевой по голове? Хорошо, что не попал, куда метил…

Мой непонимающий взгляд опять принудил дядю

Сашу объяснять события, затёртые моей памятью:

— Был в гостях у моих родителей, увидел, что у отца на черепе нет теменной части: во время войны ранило, раздробило кость, и пришлось её удалить… Ты это сразу же приметил и спросил его. Он тебе объяснил про ранение и сказал, что теперь опасается всего, потому что кость больше не защищает мозг, и если что-то упадёт на голову, то может его убить.

Дядя Саша перевёл дух и, глядя на меня, продолжил:

— Ну вот, ты и проверил. Взял алюминиевую кружку, стоящую на столе и… хлобысь его ею по голове… Хорошо не попал – удар пришёлся по черепу. Экспериментатор! С тех пор мой отец тебя близко к себе не подпускал…

Тут дядя Саша заулыбался. Он, наверное, радовался, что его сын – не «ходячая катастрофа». По крайней мере, не такая катастрофа, как я…

— Если всё припомнить, то на роман хватит, Славик. Твоим родителям есть чего опасаться. Ты как потоп, как цунами… бедствие вселенского масштаба. Помню, рассказывали, как в Баку ты бабушку чуть не взорвал. Утром она грела воду на газовой печи, закрыла кран и наказала тебе, чтоб не трогал его ни в коем случае. Но ты же не упустишь такой возможности! Стоило ей только выйти с кухни, как ты его открыл и принялся умываться из тазика с тёплой водой… Хорошо ещё, что ей почти сразу понадобилось вновь зажечь газ… Как шандарахнуло! Как рассказывала потом твоя бабушка, и ты, и она – все в саже, как негры; печь лопнула, сбежались соседи… С тех пор тебя одного нигде не оставляли.

Дядя Саша зашёлся от смеха и, вытирая слёзы с глаз, умилённо произнёс:

— Ходячая катастрофа!

— Сами виноваты, а я – ходячая катастрофа!

Дядя Саша даже перестал смеяться от такой наглости.

— Ну да…, сами виноваты, — продолжил я, — кто же маленькому ребёнку говорит, что этого трогать нельзя! Зачем будить любопытство? Вот я и проверил – что будет после этого «нельзя».

— Ладно, Славик, пей чай-компот и иди-ка ты к бабушке. Мне ещё пожить охота. Здесь многое чего нельзя.

— Обойдусь и без компота.

Я резко развернулся и пошёл со двора. Меня останавливать не стали, только пёс Полкан подошёл в палисаднике, ткнулся носом и, отойдя, вновь лёг в тени дома.

Туман обиды глаза мне застилал, я быстро шёл, пути не разбирая, дойдя до речки у рембазы, сел в тени деревьев. Река жила своей обычной жизнью: гремели цепи причаливающих и снимаемых с якоря бударок, тарахтели моторы и галдели дети, купаясь в реке. Туман пробился всё-таки слезами. Я сидел, шмыгая носом и размазывая их по пыльному лицу, припоминал обиды. А вокруг меня, наперекор всему, бурлила жизнь радости….

Домой идти не хотелось – бабушка, завидя мою кислую физиономию, начнёт выспрашивать «что да как», а потом начнутся разборки, и вновь я где-то окажусь виновным. Да… удивительный мир у взрослых… Так, если послушать всех их в округе, то что они говорят о своих детях, то получается, все детки — ангелы у них. Вот только непонятно, откуда тогда берутся дьяволята – вечно дерущиеся, тырящие всё что плохо лежит…, и ещё мучающие животных – то кошек, то собак…, стреляющие из рогаток по воробьям…. Я, вроде бы, ничего такого не делаю, но везде виноват. Странно как-то.

Незаметно, за горькими размышлениями, ноги меня принесли к проходной рембазы. Потоптавшись нерешительно на входе, преодолел себя и вошёл внутрь. Не успел сделать и нескольких шагов, как тут же бдительная вахтёрша меня останавливает:

— Эй, пацан, ты куды собрался? Хто такой, почему не знаю?

— А я откуда знаю, почему Вы меня не знаете…

— Поговори мне тут ишо! Стоять!

У неё на столе зазвонил телефон. Взяв трубку, женщина, не спуская с меня грозных глаз, отвечает кому-то на том конце провода.

— А зачем мне к булгактеру? Справку? А-а-а… поняла, поняла… Ладно, схожу, как Надька вернётся. Хто? Да. Одна я.

Окончив разговор, она опять принялась за меня.

— Ещё раз спрашиваю куда намылился? Здесь посторонним не положено хОдить.

— К дядь Пети я…

— К какому такому дядь Пети? У нас Петь и дядь много тут …

— В столярку… он начальник там…

— К Петру Ивановичу? А ты хто ему?

— Племянник, только он меня племяш, почему-то, зовёт.

— Племянник родной по крови, а ты стало быть – нет… Сейчас позвоню ему узнаю, што с тобой делать…. – Она набирает номер, ждёт ответ. — Пётр Иванович, тут к тебе племяш твой… не знаю, сам разбирайся…, хорошо.

Вахтёрша положила трубку и строгим взглядом измерила меня с ног до головы.

— Знаешь, куды идтить? Иди. И никуды не лазь там...

Я не стал её дослушивать и выскользнул из будки. У папы на заводе я не был, а вот у мамы на Базе Орса был. Там интересно, но не так как здесь — любопытно. Здесь корабли и высоченные краны, все суетятся, что-то куда-то носят, ругаются и просто стоят, что-то в стороне обсуждают.

Визжат станки, обрабатывающие дерево. Я подошёл к цеху, и на меня дохнуло запахом свежераспиленной древесины. Вовнутрь пройти не успел – ко мне навстречу вышел мой дядя.

— Славка, ты чего здесь? Случилось что?

— Нет, всё в порядке. Хотел посмотреть…

— Вот и пошли со мной, посмотришь, – мне в токарный надо. Там, кстати, твои родители когда-то работали...

— Пётр Иванович, вот заявка на обрезную доску…

пять кубов

К дяде подбежал мужичок небольшого роста, в соломенной шляпе. Дядя Петя, повертев в руке бумажку, засунул её в карман рубашки и кивнул тому.

— В четверг, к концу дня заберёшь. Грузить будешь сам – бери с собой кого-нибудь.

И мы проследовали дальше к бараку, из которого слышался визг обрабатываемого металла. Но на входе в цех его вновь перехватили.

— Иваныч! Иваныч, что там мой заказ? Сделали? Вчера ещё обещали…

— Сделали, Виктор, сделали. Приходи и забирай.

Мы зашли в токарный. Шум станков, визг металла и сильный запах машинного масла.

— Кузьмич! — Седовласому гиганту возле токарного станка. — Эй, Кузьмич, где Лёнька? С обеда его не вижу…

— Я что – мамка ему!? – отвечает Кузьмич, пряча усмешку в пушистых усах. И вдогонку, – Эй, Иваныч! К Катьке, в инструменталку загляни – там он чаи гоняет.

— Постой тут! Посмотри, но ничего руками не трогай – это небезопасно на производстве. – И дядя скрылся за ближайшей дверью.

— Кузьмич, ну, ты долго ещё?! – к седому подлетел, видимо, мастер, — давай быстрей – вкладыш уже ждут. Из-за тебя парни стоят. Заканчивай! Пора уже собирать…

— Пусть не стоят, а посидят – им не привыкать… Я метеор вам, што ли, видишь – точу! Станок дышит уже на ладан, а тебе всё быстрей. Сейчас «гафкнется»

и – на ремонт!

— Ладно, ладно – не пужай! Давай делай по-шустрому – конец дня, всё-таки! Сегодня надо собрать…

Мастер снимает свои очки и нервно протирая их тряпицей, заменяющей ему носовой платок, уходит. И уже издалека:

— Шустри, Кузьмич, шустри! А то премию не дам…

— Куда ты денешься?! – заводится Кузьмич, — Уйду – кто работать будет? Много желающих? Одни мальчишки без опыта… Ты их со мной сравниваешь? Грозильщик…

Едва перекрикивая шум работающих станков, Кузьмич пытается ещё что-то сказать, но мастер, не слушая, скрывается в мастерской и, обрывая разговор, хлопает дверью.

Открылась дверь инструменталки, появляется дядя Петя с металлической деталью в руке, аккуратно обёрнутой в кусок ткани с тёмными масляными пятнами.

— Насмотрелся? Пойдём, провожу тебя на выход – мне работать надо. А здесь, сам понимаешь, посторонним нельзя – влезешь куда-нибудь, покалечишься. Пошли, Славик.

Меня выпроводили за проходную.

Пора домой – день клонился к вечеру, ещё немного, и заводские, окончив смену, потекут потоками по улочкам села. Когда мы шли с моим дядей за проходную, на выход, то прошли мимо уличного стенда с передовиками производства и яркой надписью во всю длину стенда «Народ и партия едины!», белые буквы на алом фоне врезались в сознание. На стенде распо-

лагался и портрет Ленина, такой же, как и когда-то в третьем классе на уроке рисовал я. Тогда, как некую достопримечательность, взяв за руку, водили по классам и демонстрировали и меня, и мою работу. Вряд ли она была настолько безупречна, но похвалу и то тепло от неё я помнил.

На подходе к бабушкиному двору моё обоняние защекотал яркий запах свеже-жареной картошки с луком. Только сейчас я почувствовал, как сильно голоден, и ускорил шаг. Не обращая внимания на радостное повизгивание Шарика, прошёл к кухне. Бабушка дожаривала картошку на керосинке. В воздухе вокруг висел стойкий аромат чёрного перца, которым бабушка всегда обильно приправляла любое блюдо.

— Пришёл, внучок. Что так долго? Чем накормили в гостях?

Я поведал всю историю дня – и про то, как чуть не покалечил палец Вовкин, и про разговоры о моих выходках, и о визите на рембазу к дяде Пете. Бабушка не перебивала, молча слушала, меж делом протирая стол, перемешивая картошку и следя за дымящим самоваром во дворе.

— Ну, что могу тебе, Славик, сказать на это? Вы уже не дети малые, и последствия проказ могут быть тяжёлыми. Хорошо, что палец не отсёк. Виноваты оба – невнимательны. Он виноват в том, что держал свой палец на механизме, зная, что ты пытаешься провернуть его, ты – в том, что не убедился в безопасности для него. Детство ваше уже закончилось давно. Мы в вашем возрасте уже вовсю работали и кормили и себя, и свою семью. Работали от рассвета до заката. Мои ро-

весники в большинстве своём неграмотны или малограмотны — я вон, ставлю крестики вместо подписи. Времена были тяжёлые – революция, гражданская война…, голод, холод. Вам же советская власть дала беззаботное счастливое детство. Учитесь, отдыхаете на каникулах…, летаете самолётами и ездите поездами. Я же никогда с этого острова далеко не уезжала – дом, семья, хозяйство, работа…. Когда-то и тебе придётся начать взрослеть, и чем раньше ты это поймёшь, тем будет лучше и для тебя, и для твоих родителей. Очень часто ваши «пацанячьи» забавы до добра не доводят. Так мир устроен – девочки всё больше дома, а вы куролесите кругом. Ой, картошка! Забудешь тут с тобой обо всём.

Бабушка кинулась перемешивать картошку, выключила керосинку.

— Всё, будем ужинать. Картошка готова. Чай закипел… Помоги мне самовар на стол поставить.

Бабушка сняла с самовара сизый от дыма заварник, я взял самовар и отнёс к столу, водрузив его по центру на алюминиевом разносе. Заварной чайник опять установили на место, а бабушка пошла накладывать в тарелки картошку. На столе уже стоял салат из помидор с огурцами, обильно приправленный луком и подсолнечным маслом, источающем вокруг аромат подсолнечника.

Бабушка принесла две тарелки с картошкой.

— Там в кухне, в сумке на столбе, буханка хлеба. Принеси её, надо нарезать, здесь мало осталось.

Я ушёл за хлебом, а принеся, сам нарезал. Хлеб был, как всегда, вкусным и пахучим. Мы поужинали, храня молчание. Бабушка, возможно, погрузилась в

воспоминания и, пока мы ели, не проронила ни слова. Я тоже помалкивал.

Трапеза закончилась. Бабушка встала из-за стола. Поправила платок на голове.

— Пойду помолюсь за вас, олухов, кто-то же должен о вас беспокоиться, раз сами о себе не заботитесь. Вы всё думаете, что так будет бесконечно — детство без забот и хлопот… Но посмотри вокруг – за летом приходит осень, и всё увядает, затем приходит холодная зима, как сон и вечная смерть. Потом, конечно, опять весна и лето, но чтоб встретить новое лето, надо пережить зиму, а для этого нужно о ней думать ещё летом. Это и называется мудростью…

— Да-да… знаю, помню. Басня Крылова… Лето красное пропела, оглянуться не успела как зима глядит в глаза… Выучил в школе.

— Вызубрить, Славик, не значит — понять. Это не одно и то же. Можно прочитать тысячи книг и быть балбесом, а можно читать лишь одну и быть хорошим человеком.

— И что это за книга? Только не говори – Библия. Ты же её всё равно не читала…

— Не библия, Славик. Эта книга – Жизнь. Её надо внимательно читать. В ней нет пустяков, и она написана не человеком, но для человека. Будь внимателен к окружающему тебя, и ты будешь тогда всегда на своём месте. Я не зря прожила свою жизнь. У меня было не лёгким детство, не лёгкой молодость…, не баловала меня жизнь и взрослой… И на старость надо заботиться о каждом своём дне… и зиме тоже. Вон, закрутки уже делаю…, а на днях опилки привезут от Петра Ива-

новича, чтоб я могла зимой печь топить – будешь помогать мне перетаскивать их в сарай. Посуду накрой на столе, чтоб коты не лазили, потом приду, помою. А пока я пошла, помолюсь, попрошу бога заботится о вас, бестолковых щенятах. Пошла.

Бабушка ушла в дом. Я остался под навесом один. Накрыл полотенцем посуду, убрал остатки хлеба. Передо мной сидел Шарик и преданно заглядывал в глаза, выпрашивая чего-нибудь вкусного. Взяв кусок хлеба, обтёр им обе тарелки и дал его псёнку. Тот радостно схватил его и убежал. Вновь укрыл тарелки.

Под навесом, на кровати лежали какие-то книжки, и я стал их просматривать. Наверное, кто-то принёс, не припомню, чтоб привозил когда-нибудь их. На одной маленькой было во всю обложку нарисовано красное яблоко и мультяшный червяк, высунувший голову. Меня заинтересовала обложка, я раскрыл книжку и принялся читать:

«Маленький червячок, не зная ни дня, ни ночи, ползал по огромной планете, прячась в опавшей листве, в перегнивших остатках бурной жизни леса. Он не знал ни ночи, ни дня, так как никогда не покидал безопасные толщи листьев и перегноя, потому что и дом, и пища – едино. А что ещё нужно для счастья маленьких червячков?! Из поколения в поколение протекала их жизнь, стабильная и наделённая своим смыслом, смыслом не понятым, но принятым. Была ли эта жизнь безопасной? О, конечно, нет! Каждый, кому не лень, норовил раскопать и растерзать, а то и просто склевать червячка. Так и проходило их существование, полное сумрачных тревог и не менее сумрачных и од-

нообразных поглощений собственной среды.

Как-то маленький червячок, потеряв бдительность, покинул безопасные пределы своего обитализа и был поражён: нечто светлое ослепило, пронизывая всё его тёмное, землистое существо. Он осознал неведомые ему ощущения, и с тех пор любопытство вело червячка всякий раз к этому неведомому и непознанному миру. Он научился различать качание ветвей деревьев, бегущих и снующих зверей, перелетающих с ветки на ветку птиц. Он наслаждался. И завидовал! Всякий раз, возвращаясь в безопасные и тёмные глубины рода своего, он завидовал существам, населявшим тот, не ведомый ему мир.

И ничто ему больше не доставляло такого удовольствия, как мысли об этом прекрасном и светлом мире. Ползая в толще, оставляя за собой изъеденные туннели, червячок страдал. Всё существование его казалось никчемным, жизнь — бесцельной и пустой. Мрачно переваривая очередные порции продукта, он размышлял о времени, теряющемся в сумрачных глубинах его прошлого. Безрадостного прошлого, не озарённого Прекрасным Светом. Все существо его стремилось к соприкосновению с новым и неведомым ему, вновь и вновь. Червячок мечтал о новом мире и себе в нём. Он призывал народ, извивающийся в тёмных толщах, пойти и соприкоснуться со Светом. Смельчаки, последовавшие его призыву – не вернулись. И тогда червячок решил, что их мрачному сознанию не дано это соприкосновение. Он отверг свой род, забыл обо всех, кого любил. Он — избранный и своим озарённым сознанием принадлежит новому миру. Там

он, червячок, будет наслаждаться прекрасным...

Червячок молил пославшего ему Свет о преображении в существо, порхавшее с ветки на ветку, издающее непонятные, но прекрасные звуки. Он был один. И страдал…

Первые, едва пробивающиеся лучи светила разбудили пернатую стаю. Мир наполнялся щебетанием и трескотнёй. Стайка воробьёв сорвалась с ветвей, и лишь один пушистый, серый комочек остался на месте, встревожено озираясь по сторонам. Но через мгновенье и он кинулся за своими собратьями...

День, наполненный суетой и страхами, пролетел быстро. Птицы располагались в ветвях, готовясь к сумеркам… Солнце клонилось к горизонту, усмиряя суету крылатых. Красно-оранжевые краски, захлестнувшие полнеба, тревожили сознание, будя непонятные воспоминания. Испуганный и растревоженный воробей жался к собратьям, на краю стайки затихающих птиц. Потянулись наполненные однообразием дни. Унылое существование наполнялось мечтами о новом образе, вселявшем страх в птичье сообщество: грозном, парящем в вышине орле. Мольбы были услышаны...

Гортанный крик, ворвавшийся в дремотное утреннее оцепенение, сорвал остатки сна, сбросив его туманной дымкой в ущелье.

Расправляя и хлопая крыльями, чувствуя свое невероятное могущество, грезил новыми открывшимися его сознанию просторами...

Радость и восторг его были не долгими. Цепь многих преобразований затмила его сущность, бросив

в объятия безграничной, но мелкой для него и его разума, вселенной. Вселенной, вобравшей в себя мириады галактик и более мелких вселенных. Вселенной, закованной в скорлупу непознанного.

Одинокий и злой, он метался от одного края скорлупы к другому, в досаде сметая вселенные и галактики. Угрожающей сумрачной тенью он кидался в скопления энергий. И только затухающие всполохи и меркнувшие искры обозначали его след. Его голос больше не слышим. К его мольбам – глухи. Шло время, и мир, когда-то данный ему, мерк... Редкие скопления едва наполняли мир безумного призрачным, угасающим светом. Холод и тишина заполняли пространство. В безумии своем, устав метаться, он принимался скрести стенки скорлупы. Мир гас, и силы покидали его. В его сознании отчетливо вспыхивали картины и ощущения прошлого, когда он был не один и слышим. Когда чувства заполняли все его существо... Он с усилием вглядывался в свой умирающий мир, и чувства сожаления содрогали его существо. Чувство вины перед теми мелкими и уже не видимыми ему существами обостряли его тоску. Он грезил запахами, он вспоминал ветер, он помнил прикосновения и те, неожиданные, восторги и умиления миром. Миром, который он покинул...

Повинуясь единственно оставшейся страсти, погоне за сокрытым, он сотрясал стены скорлупы, рвал ее и карябал. И уже почти лишившись последних сил, он заметил струйку света, пробивавшуюся в треснувшей скорлупе. Теряя остатки разума, он расковыривал разлом... хлынул свет, обжигая сознание: там было неведомое...

Неведомое было везде».

Неведомое было везде… Да… как по теме разговора с бабушкой, кто-то подкинул эту книжечку сюда. Желаниям нет конца, желаньям нет предела. Если в тебе червоточина, то надо с ней разбираться, а не пытаться убежать от проблемы. Как кто-то говорил мне: «От себя не убежишь. И не важно, полетишь ты на Марс, в соседнюю галактику или просто на Северный полюс, ты и там будешь такой как есть, с теми же проблемами и ошибками. Надо меняться изнутри». Надо учиться читать книгу жизни, как сказала бабушка. Я вышел из-под навеса и посмотрел в небо, там, натужно гудя, плыл самолёт. Солнце уже коснулось крыши соседского дома. Где-то по реке тарахтела бударка. Мир готовился к ночи, затихали звуки. Всё обретало покой и успокоение. Я грустно вздохнул и пошёл, сел на рундуке — смотрел на заходящее солнце сквозь листву деревьев и прислушивался к редким голосам на улице.

ПАШКИНО

— Славик, приготовь себе удочку и накопай червей. Завтра идём на Пашкино сажать картошку. Там с водокачки что-нибудь наловишь на жарёху.

— А мне обязательно идти? Без меня никак?

— Пирожки с картошкой любишь, а жареную картошку? Вот… завтра идём сажать.

— Можно же в магазине купить её, зачем мучиться, сажать?

— У тебя много денег, чтоб покупать? Тот и оно! Иди, копай червей.

— На хлеб ловить буду…

— Копай червей!

Мне не оставили выбора. И хоть я небольшой любитель рыбалки, но для каникулярного разнообразия согласился половить… Тем более, что я уже слышал, и не раз, про классный клёв на этом Пашкино. О, если б я только знал тогда, что вставать придётся очень рано! В шесть утра меня разбудили, а через полчаса мы уже шли по не в меру оживлённым улицам. Бабушка вела милую беседу с некой семьёй, явно двигавшейся, как и мы на посадку картошки. Я же в одиночестве плёлся за ними.

У меня в каждой руке по ведру с обрезками картошки, прикрытыми влажной тканью, и сумка через плечо — с удочкой-закидушкой и банкой червей. По пути к нам присоединились ещё люди с ведрами и даже тележками. С такими же сонными, как и я, детьми и подростками. Среди них я увидел и уже знакомую мне белобрысую девчонку с веснушками, ту что в реке свалилась мне на голову… Долго шли вдоль ерика, потом через аэродром и степью, хорошо хоть, иногда останавливались передохнуть. Всё это походило на кадры военных фильмов, когда население покидало свои дома перед вторжением вражеских войск, или на табор цыган… В голове завертелись строки, неизвестно откуда в неё попавшие: «И табор, шедший на закате, не чаял и дойти – в степи вставали рати и зелени полки…». Когда приду домой, непременно их запишу

– может, получится симпатичное стихотворение.

Ещё немного, и за кустами можжевельника, росшего плотной стеной, послышались отдалённые голоса. Протиснувшись сквозь кустарник, я увидел частокол изгороди, силуэты людей и реку за ними. Здесь, наверное, полсела собралось! Все уже работали: копали грядки, ходили с вёдрами и укладывали картошку во вскопанную землю. Дети бегали к реке за водой и поливали стройные ряды грядок из вёдер, освободившихся после посадки обрезков картофеля. Все были настолько заняты делом, что лишь изредка перекидывались друг с другом фразами.

Мы подошли к своему участку, там нас уже ждала бабушка Надя. Обменялись приветствиями.

— Ну что, Надя, попьем компотику? Передохнём, и за дело! Славик, до жары надо управиться!

— А я-то причём? Я что, главная рабсила? Я помощник…

— Нет, вы на него посмотрите, две старые женщины будут рабсилой! Помощник… Ты на себя посмотри! Ты уже выше нас с баб Надей! Ты выше половины мужиков здесь… Пей компот, лодырь, если хочешь, и вот тебе рукавицы… И, айда копать грядки! А мы будем высаживать… Здесь лишних рук нет.

Мне особо спорить не хотелось. Все вокруг работали, даже маленькие дети копошились у грядок с картошкой. А некоторые лейками поливали посадки. Тем более, кто мне пирожки будет печь, если бабушка на меня разозлится? Она-то ведь всегда помнит обо мне: каждое утро блины, лепёшки, пирожки…

— А рыбу ловить когда я буду?

— Когда мы будем поливать. Или половину вскопай и иди!

Ладно, будем копать. Я копал, а «две старые женщины» попивали компот и иногда критиковали мою работу. Но потом и они взялись за дело. Руками закапывали обрезки картофеля в ими же сделанные ямки. Копать молча стало невесело, и я затеял разговор.

— Бабуль, я слышал, раньше астраханские степи заселяли нижегородскими крестьянами, а такие вот острова – каторжанами и ссыльными. У тебя что, предки — каторжники?

— Нет, наверное, крестьяне. Я из Бекетовки, а Николай, дед твой, сюда из Басов пришёл, этапом…; богатая семья была… до революции.

— Басы? Что за название странное? Это где?

— А Мумра тебе не странное? Басы — это возле земель калмыцких… У них там было большое хозяйство: разная скотина и земля… Потом пришли зелёные, забрали у них скот и расстреляли родителей…

— Какие ещё зелёные? Ты шутишь? Красные и белые воевали… ещё были анархисты… Про зелёных ни разу не слышал. Дед же из казаков? Я видел его фото, он в чёрной форме там, молодой… Красные-то казаков расстреливали, красные… А не зелёные…

— Да, из казаков… Точно тебе говорю: зелёные! Да и тогда все друг друга расстреливали. Брат на брата шёл, сын на отца…, помутился у всех рассудок… В писании говорилось – придёт антихрист, замутит всем разум и будут друг друга убивать, – настаивала на своём бабушка.

— Антихрист… Зелёные это — партизаны степные, наверное…— усмехнулся я. — А мне отец говорил, что

его дедов, они из ростовских казаков, под Ростовом расказачили и тоже расстреляли. А три брата, среди них и мой дед Иван, бежали в Саратов… Потом и там что-то не заладилось, и они разделились: Иван уплыл в Баку, а Михаил, кажется, ушёл на север Казахстана…, третий… не помню имени, в Саратове остался. Вот такая история!

— Ну, теперь понятно, откуда у тебя такая тяга подсолнухам головы рубить. Все казаки. Надя, — обратилась бабушка к подруге, — помнишь, как этот казак подсолнухам головы порубал?

Я растерянно посмотрел на них.

— Когда такое было? Что-то не припомню… Опять наговариваешь на меня.

— Да, маленький ещё был, но вы уже жили в Шевченко, — сказала бабушка Надя.

— Маленький, а кровь казацкая уже кипела! – вставила бабушка, ехидно посмеиваясь. И, подмигнув друг дружке, запели в два голоса:

Любо, братцы, любо,
Любо братцы жить.
С нашим атаманом
Не приходится тужить…

— Хорошо поёте, но это не женская же песня...

— А нам можно. Мы – рыбачки-казачки…, — и они дружно засмеялись.

Насмешки их мне не нравились, и продолжать разговор я не стал.

— Бабуль, похоже, я уже больше половины вскопал. Пойду на водокачку рыбу ловить?

— Иди. И удочку с червями не забудь. Да переку-

си. Вон там, в свёртке. Курочка, картошка, помидоры…

— Хорошо хоть, не рыба.

— Ничего, и рыба будет! Вот наловишь, и будет…

Быстро перекусив, запив всё компотом и распихав по карманам мелкие яблоки «преснушку», как их называла бабушка за сладковатый вкус, пошел к деревянному строению на берегу – водокачке.

Когда-то в детстве, несколько лет назад, на своём жигулёнке, точно не помню цвет – белая или жёлтая машина — сюда на рыбалку меня привозил местный, всеми уважаемый хирург Завьялов. Не помню, наловили ли мы что-то, но было приятно прокатиться по селу и его окраине на машине, да ещё и с таким человеком.

Пройдя по пирсу и обогнув насосную, я увидел седого мужчину и мальчишку младше меня. Они ловили рыбу и складывали её в ведро. В ведре виднелись хвосты и головы окуней.

— Здравствуйте! А что, сегодня у воблы выходной? – попробовал пошутить я.

Но мою шутку не оценили и ответили, невозмутимо перекинув беломорину из одного уголка рта в другой:

— Нет её нонче, не клюёт, зараза!

— После обеда будет вобла, – подал голос мальчишка. Он сидел на самом краю водокачки, у перил, свесив ноги и болтая ими… Маленький и худющий…

— Деда, хватит уже ловить! Дай мырнуть… — заговорил он просящим голосом.

— Вон, пацан будет ловить. А ты ему всю рыбу распугаешь…

— А ему окунь не нужен! – крикнул мальчишка,

вскарабкавшись на перила, и сиганул в воду!

— А-ааа… — заорал он в воде. — Животом!

— Охламон, – ругнулся дед.

— Деда, деда! – Прибежала, грохоча по доскам, уже знакомая мне девчонка в веснушках. Увидев меня, остановилась:

— Здрасьти!

— Здрасте!

И повернувшись к деду:

— Деда, бабушка зовёт обедать. Лёха, вылазивай! Пошли уже!

— Это мой брат. Дерётся во как! – И она продемонстрировала мне свой сжатый кулачок. Развернулась и убежала с таким же грохотом, будто нарочно ударяя пятками по доскам.

— Деда, давай быстрее! Остывает… — донёсся её удаляющийся голос.

Седой собрал удочку, взял ведро и молча ушёл. Мальчишки уже не было в воде.

Достав удочку и насадив трепыхавшегося червяка на крючок, закинул подальше от того места, где купался мальчишка. И стал ждать. Леска приятно подрагивала от течения воды. Напротив водокачки, метрах в ста, шумел густой кроной деревьев остров. Берега, поросшие камышом, казались непролазными. Я как-то в прошлом году плавал на этот остров. Туда самостоятельно, а оттуда — на старой трухлявой коряге. Весело было! Место там дикое! Будто нога человека никогда не ступала на этот остров.

Рыба не клевала. Я вытянул леску, чтоб заменить

червя, но его там уже не было… Закинул ещё раз. У острова, шумно хлопая крыльями, приводнилась крупная птица. Пеликан! Ещё один рыболов. Не прошло и минуты, как он что-то поймал и, высоко закинув голову, заглотил, потряхивая из стороны в сторону клювом. Везёт же рыболову! Но я напрасно огорчался. Что-то резко потянуло мою леску, уводя её вглубь реки. Леска сильно натянулась, впиваясь в пальцы. Я тянул, рыба пыталась сорваться, уводя леску то в одну, то в другую сторону. Но метр за метром, и вот показалась тёмная спина рыбины. Когда вытягивал, думал – сорвётся над водой. Но вот она, рыбина, прямо передо мной! Большой, тяжёлый и сильный окунь! Снимая с крючка, чуть не выронил, уколовшись об его острые, колючие, как у ежа, плавники. Но всё же запихнул в сумку, где он продолжал бесноваться.

Обеспокоившись тем, что он выскользнет из сумки и уйдёт в воду, я с надеждой стал осматривать дощатые стены насосной, чтоб повесить её понадёжней. Искомое найдено! Кто-то заботливый вбил гвоздь. Повесив сумку, я опять закинул удочку. Пеликан у острова спокойно плавал, сверкая белизной оперения. Иногда похлопывая полураскрытыми крыльями.

Водокачка задрожала от топота бегущих ног. Опять эта девчонка!

— Можно, потише?! Рыбу распугаешь!

— А… Что поймал? – И сняв с гвоздя сумку, девчонка заглянула в неё.

— Ух, ты! Какая большая рыбина. У деда такой не было большой. Она, наверное, с икрой! Чтоб было

много маленьких рыбок… Её надо отпустить! – И пошла с сумкой к краю водокачки.

— Эй, ты что?! А ну, повесь! – Кинулся я к ней, бросив удочку на пол. Едва я успел забрать сумку у девчонки, как моя удочка стала резко разматываться. И чуть не ушла в воду — я уже в последний момент прихлопнул её ногой. Взяв в руки удочку, повёл ей из стороны в сторону, проверяя, не сорвалось ли. Нет, сидит, сопротивляется.

— Ха-ха… Я пошутила, а ты поверил! Давай сумку – повешу.

— Нет уж, я сам… как-нибудь.

Но она, ловко выхватив у меня из рук, водрузила её обратно на гвоздь.

— Ну, что смотришь на меня? Давай, тяни уж! Кто там попался?!

Я осторожно начал вытягивать леску. Рыба упорно сопротивлялась. Должно быть, тоже большая. Но, вытянув из воды, я увидел средних размеров окуня. Ладно, сойдёт и такой. Отправил его в сумку к собрату, отчего сумка ожила и заплясала на гвозде. Я с опаской посмотрел на гвоздь – выдержит ли.

Сменив червяка, я приготовился забросить крючок. Девчонка молча за мной наблюдала.

— Что тебе ещё? Что смотришь?

— Давай, давай уж… Забрасывай, штоль!

Раскрутив грузило на леске, как пропеллер, отпустил. И тут же взвыл от боли. Крючок, проколов шорты, впился в тело, чуть выше бедра. На крючке поверх шорт, у самой лески, дёргался червяк.

— Ой, кровь! – взвизгнула девчонка, подскочив ко мне. — Сам себя поймал! Сейчас позову кого-нибудь…

— Стой! Стой… Погоди!

Но она уже убежала, грохоча по деревянному настилу. Только этого мне и не хватало! Чтоб сюда сбежались ещё и зрители! Я убрал свинцовые грузила удочки в карман и аккуратно намотал леску на удилище. Попытался извлечь крючок. Но острая боль не дала мне этого сделать. Он глубоко вошёл под кожу.

Прибежала бабушка, девчонка и какой-то мужик с кусачками.

— Так, рыбак, ну-ка, повернись! – И он бесцеремонно развернул меня к себе.

— Так, терпи! Не ты первый… Надо, чтоб язычок крючка был наружу – тогда перекусим.

— Пап, а у него бешенства не будет? – Опять ехидничала девчонка в крапинку.

— Приготовься! — Он вывернул крючок, прокалывая кожу и… Щелкнул металл. И обе половинки крючка у него в руке.

— На, держи, – протянул он их мне, – на память о рыбалке.

Небольшой кончик крючка с язычком и половинку, привязанную к леске.

— Спасибо, – поблагодарил я папу вредной девчонки.

— Спасибо, Леша! – Вторила мне бабушка.

Я посмотрел на мужчину с кусачками. Что, у них в семье все Леши? Это я о мальчишке, брате этой, с веснушками.

— Пойдём, Славик, будем собираться домой, – сказала бабушка, похлопав меня по плечу.

— А копать? Сегодня не будем больше?

— Нет. Нам Лёша помог. – И она кивнула в сторону папы девчонки.

Уже подходя к участку, я вспомнил, не взял сумку с рыбой!

— Бабуль, я сумку забыл. Я…

— Я сейчас её принесу! – Тут как тут эта девчонка. Бабушки собирались, я допивал компот, когда прибежала эта вездесущая вредина.

— Спасибо, Даша!

— Даша? – Переспросил я, глядя ей вслед. – Не её имя!

— Имя не понравилось или девочка?

Я пожал плечами и ничего не ответил. Домой меня отправили одного, с пустыми вёдрами и с рыбой в сумке. А бабушки отправились в гости с семьёй мужчины с кусачками. В карманах шорт у меня оставались яблоки, и я ими скоротал себе дорогу. После такого насыщенного жаркого дня было приятно надкусывать брызжущий соком плод.

Придя домой, я обнаружил, что у меня нет ключей от дома. Рыжего псёнка Шарика тоже не было во дворе, бродил где-то без своей хозяйки. Мне хотелось есть. Чем перекусить, я нашёл быстро — под навесом кухни, на столе, стоял самовар и рядом, в кастрюле, накрытой крышкой, печенье, бублики и хлеб, варенье стояло на столе в вазочке с крышкой… Потом всё это я дополнил почти спелым абрикосом и крыжовником, собрав их, помыв и сложив в большой металлической тарелке, которую поставил на рундук. Лёжа, посматривая в небо и наслаждаясь ягодами, я незаметно уснул. Разбудили меня, конечно, комары.

Красноватый диск солнца уже наполовину спря-

тался за крышу соседнего дома. Бабушки по-прежнему не было. Спасаясь от комаров, я закутался в покрывало, снятое мной с бельевой верёвки во дворе. Возле меня юлой вертелся рыжий псёнок, усиленно виляя хвостом и преданно заглядывая мне в глаза. Выпрашивал еду.

— Что, Шарик, есть хочешь? Пойдём, посмотрим, что там осталось… Похоже, о нас с тобой забыли.

Остались только две печеньки и один бублик. Поделив это по-братски – ему бублик, мне печенье, вышел в палисадник. Шарик, в надежде, что ему что-нибудь ещё перепадёт — за мной. Я посматривал по сторонам улицы, прохаживаясь от калитки палисадника до ворот двора. Бабушки не было. Бегали собаки, ходили прохожие, да соседи гнали коров мимо…

Солнце уже спряталось за деревьями соседского сада, окрасив склон неба в оранжево-жёлтые оттенки. Зажглись первые звёзды. Назойливое комарьё лезло под покрывало и кусало за ноги. Мне пришлось сорвать ветку сирени и отгонять их ею. Сидя на рундуке, я прислонился к перилам и начал опять засыпать…

Скрипнула вертушка калитки, щёлкнула щеколда ворот, Шарик радостно запрыгал, потявкивая… Ну вот, дождались.

— Славик, заболтались мы совсем! Завтра поплывём на острова, ежевику собирать. Нам сегодня Лёша объяснил, где её искать.

— Плывите! Я дома буду.

— Дома? Что ты будешь делать дома? Рисовать? Ещё успеешь нарисоваться! А ты был на островах? Ты

вообще представляешь, что это такое — идти под парусом?

— Бабуля, я не хочу! Плывите, идите, а я об этом удовольствии в книжках прочту…

— Ну уж нет! Поедешь! Ещё спасибо потом будешь говорить… Это же поход! Сейчас покушаем и спать. Нам рано вставать. Баб Надя придёт в три, тебя разбудим в четыре…

— Что?! В такую рань? В середине ночи? Да вы что, издеваетесь?

— Выспишься в бударке, пока плыть будем.

— Бабуля, ты диктатор!

— Ну, а как ты хотел?! Под лежачий камень…

— Знаю, знаю, бабуля, не продолжай…

БРЕЗЕНТОВЫЙ ПАРУС И УТОНУВШИЙ САМОВАР

По закрытым глазам сквозь веки пренеприятно ударил свет.

— Славик… Славик… Вставай… Пора уже… Славик… вставай…

Я отвернулся к стене и от этого света, и от этого назойливого голоса. Но меня трясли за плечо, стаскивали одеяло. И над всем этим звучал голос, заполнявший и неприятно резонирующий в пространстве моего ещё спящего сознания:

— Славик, вставай… Славик, пора… Славик…

Меня подняли, оторвав от подушки и сна, вращающегося в моей голове, я сидел на кровати, пытаясь понять, что происходит. Снится ли это мне или на самом деле… Наконец, я понял, что от меня хотят. Кое-как оделся, вполз ногами в резиновые сапоги и вышел в сад, в холод и влажность раннего утра. Мне дали в руки какую-то куртку: надевай! Потом какой-то тяжёлый свёрток водрузили на плечо и в руку вложили не менее тяжёлый мешок: неси! И мы пошли. Я шёл за двумя фигурами впереди, так и не осознав, зачем и куда. Я знал: просто надо идти! Я шёл и спотыкался, никак не реагируя на происходящее со мной. Свёрток на плече пренеприятно давил, а мешок оттягивал руку и пальцы, расслабляясь, несколько раз его выпускали, к тому же из-за своей длины он то и дело цеплял кочки и кусты травы. Мне вновь давали его в руку и, толкая в спину, заставляли идти. «Да ты проснёшься или нет, ирод».

До моего полуспящего сознания стали доходить звуки: звон ведра, гулкий звук шагов в лодке, стук весла и глухое позвякивание… Мы загружались в лодку.

— Славик, сталкивай и запрыгивай…

И я сталкивал лодку в воду, вползал в неё, поудобней устраивался на носу — дремал. Лодка покачивалась, журчала вода, скрипели уключины вёсел. Гулко и отдалённо звучали голоса. Но понемногу речная прохлада меня пробудила. Я стал осознанней отмечать детали происходящего.

— Хватит ему уже спать. Скоро на основной рукав выйдем. Надо будет парус ставить – там ветер нам по-

может. Славик, смени нас уже на вёслах. Славик! Слышишь меня!

— Огрей его веслом Ивановна. Сразу пробудится…

— Не надо веслом… Всё, проснулся…, — подал я голос и принял вертикальное положение. Оглядевшись, понял: мы плывём. И плывём довольно давно – были уже за рембазой, почти на выходе из этой поселковой речушки.

Небо сплошь усеяно звёздами. Мутной змеёй тянулся Млечный Путь. Луны не было видно. Над рекой висела туманная дымка, приглушающая голоса и влагой осаждающаяся на одежду и предметы.

— Брррр… что так холодно-то, а?!

— Если проснулся – садись на вёсла! Грейся! Мы уже устали… На, рукавицы одень. Руки не натрёшь. Одевай, одевай. Быстрее – нас же сносит течение!

Первые несколько гребков дались мне тяжело. Мышцы вяло и неохотно тянули. Но уже скоро я вошёл в ритм, и мы пошли бодро к выходу меж островов, к большой воде – к основной и широкой реке, где противоположный берег едва виднелся. Там, на той стороне – Житное. Село, в котором я был лишь раз, да и то случайно – Чалкину Петру Ивановичу что-то там надо было, и меня взяли на экскурсию. Помню высокий холм над рекой, с которого открывался грандиозный вид на окрестности.

Стена деревьев справа окончилась песчаной косой, мы вышли из речушки.

— Всё, Надя, Матеровская протока кончилась, выходим к Старой Волге.

Почти безграничные просторы вод двух соединяющихся рек отражали первые проблески зари. Туман в этом месте уже рассеялся, и было видно, как ветер закручивает гребни волн. Ветерок коснулся моего лица и затих. Опять дуновение. И вот уже лёгкий бриз разворачивал старую лодку по течению реки. Бабушки засуетились.

— Прасковья, давай парус! Ладь…

Они вдвоем ловко развернули брезентовое полотно и закрепили к перекладине. Я хотел помочь, но не знал, что от меня требуется.

— Славик, бери мачту. Ставь вот сюда!

— Где мачта эта?

— Да вот же она! Поднимай…

Я поднял со дна лодки бревнышко с деревянным колёсиком и с прорезью у заострённого конца, вставил в отверстие посередине скамьи, уперев в основание под нею. Пока я поднимал и ставил мачту, бабушки успели пропустить через прорезь в бревне канат и дружно, вдвоём, подняли перекладину с брезентом, закрепив концы вшитой в него верёвки по бортам лодки.

Парус сонно хлопнул тканью и обвис. Но вот подул, просыпаясь, ветер и упруго наполнил парус своей силой. Лодка, почувствовав ускорение, задрожала и, набирая скорость, пошла вперёд. За бортами стремительно зажурчала вода, лодку слегка вдавило в реку.

— Славик, хватай весло и на корму! Живо! Правь.

-Куда править-то?

Я плюхнулся на корму с веслом, с ужасом наблюдая, как быстро у кормы проносились струи воды. Вода была так близко ко мне!

— А мы не утонем? А?

— Правь! Правь! Балбес. Ты не видишь куда нас несёт?!

— А куда его тут ставить? Весло…

— В руках держи и покрепче, чтоб не вырвало. А то руками будешь грести, если не хочешь, чтоб нас унесло в море…

Последнее предупреждение поступило вовремя: весло уже коснулось воды, и её мощь чуть не увлекла его за собой, в реку. Я вдавил его в воду и почувствовал мощные потоки воды. Лодка, или бударка, как называла её бабушка, чутко реагировала на каждое движение весла. Струи воды, журчащие по бортам, закручивались спиралями за веслом…

— Левее, Славик, левее… Держись середины реки. Там течение быстрее. Быстрее приплывём.

Бабушки с гордостью посматривали на свой латаный брезентовый парус. Их глаза лучились невероятной энергией, лица порозовели… Да… Вот что делают со старушками возможности и свобода. Они будто вновь вернулись в свою молодость, в те времена, когда им всё было по силам…

Бабушка и раньше мне говорила, что в войну они, женщины, сами на бударках и куласах ходили по реке и рыбу ловить, и чилим с ежевикой собирать. Но мне тогда как-то плохо в это верилось – бабушка любила приукрасить события, а то и вовсе их придумать. Я помню бабушкины рассказы про ураганы, бушевавшие на Волге и переносившие пароходы по своей прихоти с воды на сушу, про духа воды, который сел к ним на корму бударки и хотел их утопить… Но молитвой «Отче наш» и крестным знамением они его победили. Мне

в таких случаях сразу вспоминается сюжет из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», когда он попал в лифт и, не зная, как раскрыть створки двери, перекрестил их и молвил, увидя нужный результат: «Вот что крест животворящий делает!»

Бабушки, поглядывая то на парус, то на стремительную воду за бортом, поглаживали борта лодки, что-то приговаривая… Заговаривают лодку? Хорошо хоть без танца с бубном… Наконец, до меня донеслись слова мой бабушки, сидевшей ко мне ближе баб Нади: «Наша бударочка… Терпи, родненькая, терпи…, вот сплаваем на Цыганку и отдохнём».

Мачта скрипела у основания, лодка вибрировала от сопротивления воды, но увлекаемая парусом, стремительно неслась вперед. Впереди и чуть левее носа лодки показалось солнце, оно выглянуло из-за крон деревьев далёкого берега или острова – поднималось выше и выше, стремясь оторваться от горизонта, от островов, поросших лесом. Его яркий тёплый свет добавил контрастности окружающему, чётко обозначив каждую деталь и каждый предмет этого утреннего мира. Желто-оранжевые краски заиграли на воде и всём пространстве вокруг. Ещё мгновение назад береговые деревья казались мрачными и серыми, и вот они позеленели, наполняя мир своими яркими красками жизни. Природа ожила вокруг – появились птицы, и не только вездесущие вороны…

Серый брезентовый парус, раскрашенный большими ржавыми пятнами, был с заплатками. Они отли-

чались от старого полотна зеленью новенького брезента. Видимо, ночью, когда я спал, бабушка его латала. Я посмотрел на неё: неужели не хочет спать? Бабушки о чём-то переговаривались на носу лодки. Весело посматривали в мою сторону, говоря, видимо, что-то смешное обо мне. Еще бы! Я, как заправский рулевой, сидел на корме и вёл нашу утлую шхуну к далёким и неведомым берегам, к берегам, поросшим камышом… и кустами ежевики…, и лотосом, качающимся в тихих водах ериков. Туда, где обитают только вороны, да лягушки… Хотя я неправ, конечно, бабушка говорила мне, что там есть и лисы, и зайцы…, рыщут волки… Есть там и кабаны… А вот и ещё один житель диких мест! Высоко в небе прямо над нами кружил пернатый хищник. Орёл? Я почувствовал некое сожаление, что так мало знал о природе здешних мест. А ведь мой дед, заядлый охотник и рыбак, не случайно сюда перебрался из Баку. Здесь есть, на что посмотреть и чему удивиться…

У отчаянных путешественниц, двух неунывающих бабушек, проснулся аппетит, и они начали извлекать из мешков у их ног узелки с провизией. Разворачивать, раскладывать свою снедь. Варёная картошка, помидоры. Варёная, а ранее высушенная, рыба… А вот и яйца показались… Да, действительно, проголодались. Жестом спрашивают меня, что я буду. Качаю отрицательно головой. Но завидев яблоки, показываю, как надкусываю яблоко… Бабушка поняла и, пробравшись осторожно по лодке, придерживаясь за борт, протянула мне два яблока.

— Скоро опять пойдём на вёслах. В ериках нет ветра. Так что отдыхай пока…

Она вернулась на своё место. Бабушки что-то стали обсуждать, показывая друг другу на берег по правому борту. Повернулись ко мне и махали руками, показывая направление. Смотрю туда, а там сплошная стена камыша и чакона. Направил лодку в указанном мне направлении… Ветер неожиданно стих. Парус пару раз хлопнув, пытаясь надуться — обвис. Бударка, потеряв ход, закачалась на волнах. Нас несло течением и совсем не туда…

— Разбираем мачту, и на вёсла!

Я и не предполагал раньше, что у этой спокойной старушки может быть такой командирский командный голос. Просто-таки капитан корабля! Солнце уже начало припекать и я, сняв с себя куртку, сел за вёсла. В несколько гребков мы подплыли к стене зарослей, которые при нашем приближении расступились в стороны, обозначая едва видимую протоку, вся её поверхность была затянута плавающими на воде растениями…

— Всё, здесь мы на веслах не пройдём… Славик, складывай их.

Бабушка быстро взяла длинную неровную палку, выполнявшую роль шеста, и, отталкиваясь от дна протоки, направила лодку вперед, в заросли камыша у огромного дуба, заселённого несметным количеством ворон. Продравшись через камыши, мы оказались в небольшой бухте с чистым песчаным берегом. Вытянули нос лодки на берег, и бабушки, прихватив по горлянке, посудине из сушёной тыквы, пошли в разведку: ягоду искать. Они скрылись в дебрях высокой травы и кустарника, и только шелест, хруст и покачивание этих дебрей выдавали их направление и присутствие. Но вскоре всё стихло в густой, сумрачной тени деревьев,

обступивших нашу пристань.

Мне было нечем себя занять. В кронах деревьев шумно галдели вороны. Их гвалт назойливо лез в уши. Комары, почувствовав жертву, потянулись ко мне. «К тому, кто долго сидит на месте, подкрадывается скорпион несчастья» – так, кажется, было сказано в каком-то историческом романе об арабских войнах. И я отправился изучать берег — бродил по песку и отмели, разглядывая и удивляясь первозданной дикости. Пару раз чуть не наступил на водянку, одна стремилась к реке, другая — на берег, с небольшой рыбой в пасти. Трогать их не стал. Не стал кидаться камнями или бить ветками, как это делают многие истеричные граждане мира этого… Мне нравились змеи. В них есть что-то таинственное, магическое. Они будто из другого мира, из другого измерения… Эти безногие существа вездесущи и стремительны. Пока я разглядывал змею с добычей, на лодке хозяйничали вороны. Они со знанием дела прыгали по сумкам и мешкам, заглядывая в них.

— Ах, вы ж… А ну, пошли! Кыш! Кыш! – заорал я и замахал руками, побежав к лодке. Мои вопли не вызвали у них никакой особой паники. Вороны, посмотрев в мою сторону и, видимо, оценив расстояние, продолжали мародёрствовать. И только, когда я схватил ветвь и подбежал, они взмыли в воздух. Пройдя по воде к корме, я понял: эти воровки улетели с добычей. Один свёрток с едой они сумели развернуть, раскрошив хлеб и картошку. Аккуратно всё собрав, я стал внимательней следить за лодкой и вовремя успел пресечь ещё две попытки вторжения этих крикливых и наглых птиц.

Вскоре вернулись из разведки бабушки.

Здесь мало ежевики, сетовали они и показывали мне полунаполненные горлянки. Надо по ерику Цыганка плыть на другой остров, дальше. Там точно много ягоды, так им сказал Лёша – тот самый мой избавитель от рыболовного крючка.

Мы столкнули лодку в воду, погрузились и шестом, корявой палкой, продвигая бударку направились на поиски более благосклонного к нам места. Опять шли на вёслах по какому-то руслу, с шестом пробирались сквозь густые заросли, пригибаясь и уворачиваясь от свисающих низко ветвей деревьев, росших у самой воды. Их мощные корни, как гигантские змеи, переплелись, давая пристанище множеству лягушек и мелким водяным черепахам.

Проплывая почти вплотную возле такого корня дерева, выглядывавшего из воды, я заметил маленькую черепашку. Она сидела совершенно рядом. На расстоянии полувытянутой руки. Длинная шея с маленькой головкой, тёмный плоский панцирь, усыпанный светлыми пятнами. Я протянул руку, намереваясь взять её за панцирь. Но она, укусив меня за палец, юркнула в воду.

— Ах, ты… какая…

— Славик, а ты что думал? Она игрушечная? И позволит взять себя? Им такие вольности незнакомы… Славик, смотри! Вон видишь, это растение на поверхности воды? Это чилим, водяной орех. Мы им в войну от голода спасались. Считай, все на нём и выжили.

Бабушка наклонилась к воде и вытащила пучок растения. Что-то сорвав, протянула мне. Это были зеленоватые плоды. Плотные и рогатые, как мины пер-

вой мировой войны. Значит, чилим... Моя каникулярная экскурсия в самом зените! Будет о чем написать в школьном сочинении «О том, как я провёл лето в деревне у бабушки»… Хотя здесь, в этой ссылке, мне всё чаще вспоминался чеховский Ванька с его письмом на деревню дедушке. И иногда мне очень хотелось написать что-то вроде: «Милые маменька и папенька, заберите вы меня, Христа ради, отсель. Нет моих сил больше терпеть эти неудобства. Бабушка кормит меня одной рыбой: пирожки с рыбой, картошка с рыбой, суп с рыбой, даже котлеты из рыбы! А вчерась мне была выволочка за то, что не уследил за поливом грядок, и вода разлилась по двору, от чего все деревянные дорожки поплыли…, за что меня и отходили коромыслом. Сделайте божицкую милость, заберите меня отселя домой. Обещаю исправно выносить мусор и менять песок у котёнка. И полы в комнате буду мыть чаще… Кланяюсь вам в ножки и буду вечно молить бога, только заберите меня домой…». Окрик бабушек вернул меня к действительности.

— Эй, эй, Славик, ты что творишь? Не видишь, куда гребёшь?

Бударка прямиком шла в переплетение корней деревьев. Пришлось при помощи шеста сдавать обратно и выправлять курс.

Из узкой протоки мы выбрались на открытую воду. Перед нами была неширокая речушка, возможно, тоже ерик. Может быть, это и есть Цыганка. Пройдя немного вдоль неё, направили лодку к берегу. Но пристать не удалось. Всё мелководье было затянуто корнями деревьев, росших у самой воды. Обмотав цепь во-

круг ближайшего ствола дерева, мы по воде вышли на сушу. Бабушки опять ушли осматривать окрестность, а я, побродив по воде, присел на мощный корень, выступающий из воды. Здесь в большом количестве летали стрекозы, и очень большие, и совсем крошечные. Иногда мелькали и бабочки. Вода совершенно прозрачна, чистое золотистое дно… Стайки разнообразных мелких рыбёшек метались по отмели, видимо, хорошо укрытой от хищных рыб. Вот, мимо моих ног проплыл змееподобный малёк угря или миноги. Вот бьётся о ноги рыбёшка, напоминающая окуня…

Здесь, у берега, было небольшое течение, и я заметил, как оно несло крупную улитку с витым заострённым панцирем. Она извивалась всем телом, пытаясь за что-нибудь ухватиться. Таким спасением для неё стала моя нога — ловко ухватившись за большой палец, поползла вверх. Шевеля рожками-антеннами, она ползла выше и выше…

— Славик, выгружай всё из лодки! Тут будем. Ежевики несметное количество… Лёша прав…

Вышедшие из чащобы бабушки несли хворост. У них заметно прибавилось настроения.

— Сейчас поставим самовар, попьём чайку с ежевичкой, мы тут вот немного собрали к чаю, и пойдём собирать урожай… Варенья, компота наварим… А ты, Славик, уди рыбу. И сделай кукан для неё. Там, в каком-то мешке я верёвку припасла… Пусть рыба будет свежая и живая. Сварим ушицы.

Я носил по воде вещи из лодки, а бабушки принимали их у меня на берегу. Потом собрали достархан у огромного старого ствола дерева, лежащего на песке. С него местами уже облезла кора, и бабушки ловко из

неё сделали себе сиденья и что-то типа большой подставки под пищу или разноса… Закипел самовар, поставленный прямо на песке. Перекусив, бабушки-путешественницы пили чай с ежевикой. Меня же, от плотного завтрака, потянуло в сон. И я провалился в царство морфея…

— Просыпайся! Славик… Поднимайся! Мы уходим. Не забудь рыбу наловить…

— Ладно, ладно… — Я поднялся и сонно пошёл к лодке. Что за каникулы у меня такие: всякий раз меня будят и не дают выспаться. А скоро опять в школу – ранние подъёмы, уроки допоздна, зима с коротким днём… Бр-ррр… ужас! Я передёрнул плечами, стряхивая с себя неприятное видение. Зайдя в воду, умылся и, забравшись в лодку, прошёл к корме, там под сиденьем я оставил сумку с удочками и банку с червями…

Рыбалка обещала быть удачной. Мне сразу же попался крупный окунь, потом ещё один и ещё… Видимо, эти хищники поджидали у мелководья своих жертв и сами стали жертвой другого хищника, двуногого – я их поймал. Потом попался сом. При всей моей брезгливости к этой рыбе, я и его отправил болтаться на кукан. Сомов я не любил из-за их покрытого слизью тела и пристрастия к лягушкам и всякой падали в воде…, по крайней мере мне так говорили о нём, но бабушка любила сома. Говорила, он сочный, мягкий, сладковатый и, самое главное, без костей. Попалась ещё пара щук и несколько воблёшек, случайно, видимо, загнанных в это скопище хищников. И, на удивление, попался на крючок мне бычок-ротан. Он же только в солёной воде живёт, кажется… Или этот адаптировался к местным

условиям?! И он почему-то был с голубыми глазами. А у нас на Каспии они с тёмными…

Кукан становился всё тяжелей и тяжелей. А мне всё сложнее и сложнее было насаживать на него рыбу. Один раз я его даже упустил – пришлось нырять за ним. Хорошо, что рыба не успела сорваться с него…

Пришли бабушки с доверху наполненными ягодой вёдрами и полными горлянками.

— Ух, ты… Сколько много вы насобирали… Варенье наварим…

Они устало поставили вёдра у коряги и присели.

— Славик, выложи все вон из того большого мешка… Расстели его в тенёчке, подальше от солнца… Но на песке… И высыпь на него собранную ежевику… Что наловил? На уху хватит? Да, да… Так, высыпай! Аккуратней только…

— Много наловил… Даже домой возьмём! У меня, как и у вас, – урожай. Правда, в основном, окунь…

— Вот и славненько… Из окуня наваристая ушица будет, – сказала, поднимаясь, баба Надя. – Пойдём, посмотрим… Потом отдохнём… Попьём чайку и ушицу сварганим.

— Что сделаем? – Переспросил я. – Сварганим?

— Да! Сварганим. Сварим… Так понятней? Ишь, горожанин! «Сварганим» первый раз слышит. Учись русскому языку, пока мы, старики, живы! И чему только вас в школе там учат… Только аглицким словам? Нерусь!

— Да вы научите русскому языку… Ваше «сварганим», наверное, тюркское слово. Так что «нерусь» про меня это вы зря…

— Это, какое такое «торское»? Что за нация?

— Тюркское! Это, как и славяне… Много народов от них произошли… Или язык унаследовали, ассимилировав себя с ними… Татарское, казахское… башкирское, может быть! «Башка» ведь нерусское слово, а вы все говорите его: «Думай башкой», «Что у тебя в башке» или «Как дам по башке»… — засмеялся я.

— Ишь, грамотей! Давай, показывай улов!

Мы стояли уже в воде, у лодки. Забравшись в неё, я пробрался к корме, отвязал кукан и осторожно провёл его вдоль борта на нос лодки, к бабе Наде.

— Во, сколько!

— Молодец, молодец! – К нам подошла моя бабушка с котелком. – Ну, что Надежда… сварим окуньков? Или сварганим? – сказала она, хитро глянув на меня.

— Ха! Я уже усвоил урок. Сварганим – сварим…

— Или приготовим, – сказала баба Надя, снимая окуней и выкладывая их в котелок моей бабушки.

Я вернул кукан на место, а они пошли чистить рыбу. Ловить мне уже не хотелось, но вот перекусить бы было неплохо… А так как уха лишь намечалась, я пошёл лакомиться ежевикой. Вкусняка! Невероятно вкусная ягода и даже непонятно как так — дикая?! Росли бы так же, дико, арбузы с дынями… Эх, сейчас бы арбузика… Не видать мне арбузов астраханских в этом году – я уже уеду или буду уезжать, когда они только появятся на рынках…

Меж двух рогатин, плотно загнанных в песок, положили ветку и подвесили к ней котелок с будущей ухой. Развели костёр. И уже скоро уха забулькала,

брызгая на огонь, от чего тот недовольно шипел и плевался искрами. Бабушка бросила целыми, нечищеными, головки лука, горсть перца горошком… Попробовала на соль.

— Попробуй, – протянула она мне ложку с парящей жидкостью. – Не пойму что-то…

— Н… нет, спасибо! Не хочу пробовать… Горячая уха.

— Надя, ты, штоль, глянь… нормально соли? — бабушка протянула ложку подруге.

— Думаю, что достаточно, – сказала та. – По вкусу подсолим в тарелках… лучше чуток недосолить.

Ушица получилась у нас наваристая, вкусная и с каким-то особым привкусом. Наверно, это запах от костра придал такой аромат. Я уже заметил, что чай самоварный вкусней, чем при кипячении в обычном чайнике. В чём секрет? Магия огня? Мистика… Можно понять древних людей, поклонявшихся огню. Огонь — это вкусная горячая пища, огонь — это тепло… Прометей пожертвовал собой ради людей, даруя им огонь, даруя им то, что сделало их людьми… Меня иногда посещает скепсис по поводу битвы богов Олимпа с титанами – не произошёл ли на Земле захват власти инопланетными тиранами, которых люди назвали из-за страха «богами»? Боги наказали Прометея (титана) за милость к людям… Богам нужны всегда рабы, а не свободные граждане, вот они и держали землян в серости и сумраке. Слышал как-то от любителя религиозных книг о том, что весь прогресс, все новшества от бесов… Видимо, и Прометея они относят к бесам… Неблагодарные люди – боятся тиранов и хулят благодетелей.

Один мой очень юморной товарищ называет автомобиль «шайтан-арбой»… Да, уж… без такой «шайтан-арбы» мы бы до сих пор жили, как дикари… Ну, да ладно, о делах минувших, укрытых туманом истории…

Неутомимые бабушки опять собрались в поход за ежевикой.

— Доберём ягоды и будем укладываться в бударку. Интересно, сколько времени сейчас?

— Айн момент, бабуля. Сейчас посмотрим на солнечные часы. – Быстро сориентировавшись по движению солнца, восток и запад, начертив круг на песке, разметив его, поставил ветку в центр…

— М-ммм… Получается… примерно два часа! Плюс-минус пятнадцать минут…

— Хорошо. Есть ещё время. Пошли мы.

— А мне что делать?! Можно с вами?

— Можно. Но сначала долови рыбы — чтоб и нам, и баб Наде хватило. Возьмёшь вон ту горлянку, – бабушка показала на небольшую горлянку, в которой до этого у неё были сложены варёные яйца.

— Ладно. Только рыбы и так уже больше нужного. Всем хватит.

— Поудь, поудь – не ленись.

Сказано – сделано. И я уже сидел на корме и разматывал удочку. Клёв был хорош. И лишь единожды удача отвернулась от меня. Я, потеряв бдительность, забросил грузило подальше, к самому краю протоки… А вытянуть леску не смог – зацепился крючок мой… пришлось нырять в надежде отцепить… Но в том месте было глубоко и темно… Вдруг там сом сидит и поджи-

дает жертву?! А тут я. Нате, ешьте… Я в панике вынырнул и быстро забрался в лодку. Ну и ладно! Не очень-то и хотелось… У меня ещё есть удочка. Потянув сильно и резко, я сломал крючок. Собрал бесполезную уже удочку и, закинув её в сумку, извлёк другую, с двумя крючками. Насадив червя только на один, самый верхний крючок, закинул. Рыбалка продолжилась, и скоро кукан стал полнее прежнего и совсем неподъёмным… Понадёжнее закрепив пойманную рыбу, сложил удочки. Взяв, указанную мне тыкву, отправился искать собирательниц ягод. И уже скоро нашёл их по голосам. «Будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дому, до хаты… Мы славно гуляли на празднике вашем — нигде не ведали мы праздника краше… как в вашем колхозе…» — они напевали старинные песни…

— Вы чего это поёте в лесу?

— А, пришёл?! Змей отпугиваем. А то их тут пруд пруди… Укусит, и поминай как звали! А жить-то ещё хочется, вот и на свадьбе твоей погулять, например…

— Я никогда не женюсь!

— А что так?

— Все девчонки вредные. Только жизнь себе портить…

— Во, как! Надя, слышала? – Засмеялась бабушка.

— Все они так говорят… Аппетит приходит во время еды! – подала голос баба Надя где-то поблизости, из-за куста ежевики.

— Аппетит здесь причём?! – обиделся я. – Все девчонки вредины, ябеды и зазнайки…

— Ты здесь осторожней! – Сказала мне резко моя бабушка. – Там вон внизу большое осиное гнездо… Заденешь их – убежишь, как ошпаренный — покусают…

Осторожней будь, смотри внимательней и их не трогай. Мы не трогаем их, они не трогают нас. Понял?

— Ес! Понял…

И я включился в процесс. Бабушки опять затянули песню, распугивая змей, а я, не торопясь, ел и складывал ежевику в горлянку, висевшую у меня на шее и болтавшуюся у живота… Бабушки очень быстро ушли вперёд, их голоса слышались где-то далеко впереди.

Мне в который раз попалось осиное гнездо, да ещё какое! Большое, огроменное! На нём плотно копошились осы. Одни, взлетая с него, другие — садясь, занимали их места. И, как назло, вокруг этого гнезда на ветвях кустарника много ягод… А мне ещё половину горлянки собирать! Здесь бы я смог набрать горлянку и ещё вдоволь наесться! И я решил, взяв ветвь подлиннее, чтоб не покусали, скинуть гнездо. А потом подойти, когда всё успокоится, и собрать. Решено — сделано! Я нашёл длинную ветвь, подкрался и сбросил гнездо. Оно тяжело упало в траву, несколько раз ударяясь о нижние ветви. Осы заклубились вокруг куста и отдельные потянулись в мою сторону. Я решил бежать. Быстро продравшись сквозь кустарник и траву, выскочил на берег и забрался в лодку. Так, на всякий случай, чтоб если что, в воду нырнуть… Моя горлянка осталась возле куста. Не потерять бы её... Но всё было спокойно. Хорошо! И я, сидя на борту лодки, у кормы, принялся её раскачивать, как на качелях… И вдруг! Ой! Ай! Ой… Ай… Из зарослей вылетают бабушки, и громко топая ногами в резиновых сапогах, бегут в мою сторону… Я испуганно подскочил в лодке.

— Что такое? Волки?

Лодка продолжала раскачиваться, и я потерял

равновесие, падая за борт, уцепился ногой за скамью… Лодка перевернулась. И я, погрузившись в воду, с ужасом увидел, как в воду погрузился, подняв облако мути со дна, бабушкин самовар. Когда они успели его в лодку положить?!

Вынырнув, я увидел сидящих по шею в воде бабушек.

— Ну что, доволен?! Говорила же, не трогай ос! Балбес стоеросовый! Шлындаешь, где не надо… – накинулась на меня бабушка.

— А я-то здесь причём? Я тут был…

— Вот именно: ты тут был! А должен был собирать ягоды… Значит, сбил и сбежал… Кусайте, осы, бабушек! Они быстро бегать не умеют… Лодку перевернул… Хорошо, Надя отговорила собирать всё в лодку, а то бы и ягоды плавали сейчас…

— Ой, Прасковья! – Воскликнула баба Надя. – А самовар-то в лодке был. Я сама же его ставила…

Я, не говоря ни слова, нырнул. Уф… Кукан с рыбой был по-прежнему привязан к корме… А то накрылась бы моя рыбалка медным тазом, как говорят бабушки. А самовар… Я огляделся под водой. Муть, поднятая паденьем самовара, рассеялась, и он лежал на боку, отражая солнечную рябь воды… С первого раза вытащить его мне не удалось, но после двух погружений я его зацепил и, пройдя почти что пешком по дну, извлёк на поверхность. Бабушки уже стояли на берегу. Мокрые. И сокрушённо смотрели, то на меня, стоящего с самоваром в воде, то на перевёрнутую лодку…

— Переворачивай и суши лодку, – сказала, вздохнув, бабушка. – А мы пойдём, соберём рассыпанную ягоду. Хорошо хоть парус сухой… на берегу остался… А

вёсла где?! Уплыли? Как мы добираться будем…

Я нырнул под лодку. Вёсла были на месте. Застряли уключинами в гнёздах…

— Порядок! – Вынырнув, радостно выдохнул я. – На месте! Есть у нас вёсла…

— Суши лодку, балбес…

Кое-как я перевернул лодку, но она была полна воды. Как я её вычерпаю, да ещё в таком количестве? Подумав, я решил её перевернуть опять верх дном и, затащив носовую часть на ближайший корень, приподняв, перевернуть… Так я и поступил. Тяжело, но я её вытащил на корень, почти до половины… С приподниманием такой тяжести оказалось сложнее, и потому перевернул, как получалось… Результат меня порадовал – воды было немного. И я взялся алюминиевой кружкой вычерпывать воду…

Когда пришли бабушки, воды почти не было… Так, немного болталось под мостками…

Глядя на бабушек, я подумал, как хорошо, что они не носят с собой зеркало. В старом комедийном фильме «Королева бензоколонки» я видел такое же лицо у заправщицы, которую покусали пчёлы…

— Славик, загружаемся! Укладывай вещи к корме, а ежевику сложим в нос лодки…

Самовар вернули в лодку и поставили его на середину. Все вещи я загрузил в корму, так, что там оставалось место только для ног. На носу лодки бабушки постелили разобранные мешки и ссыпали всю ежевику, что не уместилась в вёдра и горлянки.

— Рыбу с кукана сними, она нам мешать будет плыть… Убери её под мостки, там, где вода. Понятно? И собери хворост, чтоб самовар в дороге растопить…

— Что, прямо в лодке? А если…

— После того, как ты её утопил, ей пожар не страшен.

Я понял, что лучше помолчать, – они ещё не отошли от потрясения. Собрал хворост. Пришлось опять выкладывать вещи с кормы, чтоб уложить рыбу под мостки. Добавил улову немного воды и вновь сложил вещи. И мы наконец-то отчалили от этого щедрого на приключения острова. Мне даже не пришлось грести. Бабушки шестом, по очереди передавая его друг другу, вывели лодку к большой воде. Мы дружно поставили парус и бударка, вновь почувствовав силу ветра, понеслась вперёд. Вновь вдоль бортов зажурчала стремительно проносящаяся вода. Река уже не была пустынной, как утром. По ней проходили моторки, проносились алюминиевые шлюпки с мощными рычащими «вихрями»…

Моя бабушка растопила самовар. А я занял свой ответственный пост на корме с веслом и правил нашим скоростным судном, преодолевающим сопротивление вод, подрагивая и вибрируя от этого. За кармой бурлила и журчала волжская вода, оставляя пенисто-волнистый след в кильватере. Бабушки сидели на мостках бударки, на дне её, опершись спинами о борта, что-то жевали и явно ждали чай. Они то и дело посматривали на самовар. А может, переживали, что он перевернётся?

Обгонявшие нас на современных скоростных моторках и шлюпках люди весело махали нам руками, показывая друг другу то на наш латаный парус с ржа-

выми пятнами, то на дымивший, как паровоз, самовар. Обгонявшие улыбались нам, а некоторые и вовсе откровенно хохотали. Уж не знаю, над чем, — то ли над парусом, то ли над самоваром, который дымил в лодке, а может, над распухшими от укусов ос лицами старушек…

Мне на корме было неуютно от всего этого. И я завидовал всем этим людям в лодках и шлюпках. Мне было стыдно сидеть в старой бударке с латаным парусом и самоваром, дымящим, естественно, в мою сторону. И я отворачивался и от этого дыма, и от этих ликующих людей, и от лиц бабушек, покусанных осами. И мечтал побыстрей добраться до дома и скрыться, спрятаться от всего этого и самого себя. Мне было стыдно…

Я чувствовал себя одиноким и покинутым. Воображение рисовало смеющегося, убегающего ребёнка – моё детство. Это маленький Славка-Детство играл в прятки уже с каким-то своим, далёким, убегающим от меня миром. Он бежал, хохоча, закатываясь смехом и каким-то, только ему ведомым, восторгом. Он радовался своей беззаботной жизни, наполненной любовью и весельем. Ко мне же приближалась суровая взрослость со взвешенными поступками и ответственностью за каждый сделанный шаг.

Бабушки пили чай, смеялись, приветливо махая руками знакомым и, вероятно, незнакомым. Вода за бортом бударки, стремительно и урча, проносилась мимо, всё больше и больше отдаляя меня от островов с ежевикой и заблудившегося детства. «Здесь каждый дом найдём, хоть глаза завяжи. Где-то за тем углом детство в даль бежит. Ты погоди, погоди уходить навсегда.

Ты приводи, приводи нас сюда, иногда. Детство моё постой, не спеши, погоди. Дай мне ответ простой – что там впереди? Будет спешить рассвет, будет снег, будет дождь. Только прошедших лет больше не вернёшь. Ты погоди, погоди уходить навсегда. Ты приводи, приводи нас сюда… иногда…».

Тогда я ещё не знал, что и этот латанный брезентовый парус, и этот дымящийся самовар, и эти покусанные лица навсегда останутся в моей памяти добрым и светлым воспоминанием. Я тогда ещё не знал, что буду помнить об этом путешествии, об этих приключениях всю оставшуюся жизнь, и тепло и доброта, когда-то мне подаренные в моём детстве, будут согревать меня ещё многие и многие годы.

Июнь 2012 — декабрь 2018 г.г.

МАЛЬЧИК, КОТЁНОК И НОЧЬ

рассказ

Вечерело. Солнце катилось к кромке горизонта, норовя окунуться в расцвеченное бликами море. В темнеющем просторе неба не торопясь плыли желто-оранжевые облака. Сочно окрашенные, будто кистью импрессиониста, они придавали пространству

оттенок ирреальности и фантастичности... Проснувшийся легкий ветерок пробежал по верхушкам деревьев и, запутавшись в кроне, по стволам скользнул вниз. Зашелестел листвой кустарников. В вечернем воздухе особо отчётливо слышались звуки: редких проезжающих машин, лай собак и нечаянно столкнувшихся под балконами дома котов. Два кота, рыжий и черный с крупными белыми пятнами, замерев напротив друг друга, выгнув спины и нервно дёргая хвостами, истошно вопили. Кто знает, сколько продолжалась бы эта акустическая баталия, но раздосадованная хозяйка со второго этажа облила их водой. Коты, будто того и ждали, как уйти с достоинством от драки — бросились наутёк в разные стороны…

— Вова!.. Вова… — с галереи соседнего дома женщина звала ребенка. – Вова, быстрее… Ужинать…

— Щас, мам… — из кустов близ дороги раздался звонкий голосок мальчишки. Кусты зашевелились и, один за другим, протиснулись три мальчугана лет восьми.

— Ладно… я пошёл…

— Чё, ладно? Марки когда принесешь? А то стекло взяяяал, а марки не принёёёс, — сказал круглолицый, очень коротко стриженный мальчишка по имени Андрей. Говоря это, он смешно качал головой, как это делают ябеды-девчонки.

Вова, самый высокий из троих, рыжеволосый, извлек из кармана черное стёклышко и, глядя в него, попытался в просвет кустов разглядеть солнце.

— Не видно, – вздохнул Вова. – Не дрейфь, будут тебе марки. Я побежал, а то мама заругает.

И развернувшись, стремглав умчался. Двое оставшихся мальчишек, как по команде, вздохнули – домой идти не хотелось, а играть вдвоем вроде как-то неинтересно… Молча стояли и смотрели на прохожих. Порывом ветра донесло какой-то вкусный, аппетитный запах. Мальчишки, поводив головами, принюхались. Воображение моментально нарисовало картину вкусностей... Захотелось домой.

— Я тоже пойду домой, – сказал худощавый и черноголовый мальчишка.

— Сережка, ты завтра выйдешь?

— Не-аа… Мы завтра на дачу…

Андрей тоскливо посмотрел вслед быстро убегающему Серёжке. Оставшись один, он не торопился домой. Что ему дома делать? Сестрёнка Ленка, был уверен Андрей, играет в куклы, разложив их по всей комнате, и, может, ещё и не одна, с подружкой Ольгой, а та такая вредина…. А комната у них одна на двоих и маленькая. Папа с мамой смотрят телевизор. Не играть же ему с девчонками, а сидеть в одиночестве на кухне не хотелось… Попинав комки песка под ногами, развернулся и пошёл в противоположную от своего дома сторону.

Улица пустела на глазах. Взрослых не видно, только дети небольшими группками носились вокруг домов. Андрей шёл бесцельно, не торопясь. Иногда останавливался то у одного, то у другого дома и смотрел на играющих детей. Все они были старше, и Андрей не решался к ним подойти. Пройдя ещё немного вперёд, мальчик вышел на площадь перед универсамом. На скамейках сидела группа подростков, курили и о чём-

то громко спорили. Андрей, испугавшись, что к нему пристанут и побьют, резко повернул вправо и, перейдя дорогу, направился к морю.

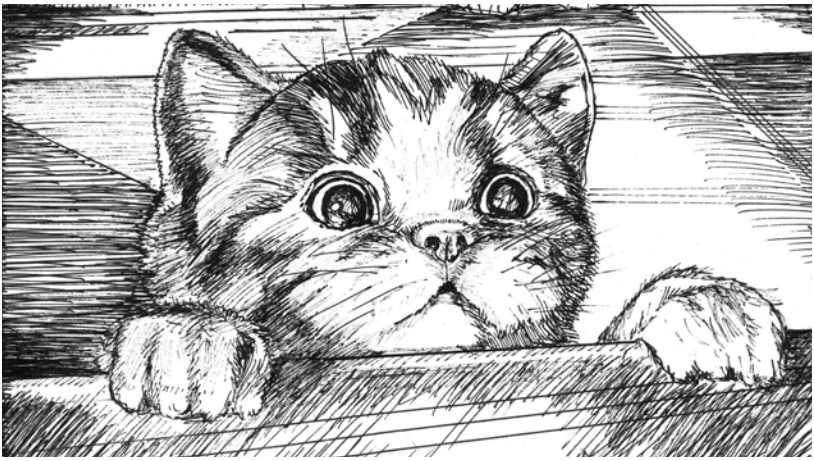
Идя по каменистому грунту, он спотыкался о камни, распугивая сусликов и ящериц. Подойдя к обрыву, в нескольких метрах нависающему над морем, мальчик осторожно приблизился к краю и посмотрел вниз. От высоты перехватило дыхание и закружилась голова. Отойдя от края на безопасное расстояние, он сел на кусок известняка, покрытого коростой плесени, и стал наблюдать закат. Солнце, более чем наполовину погрузившееся в море, налилось краснотой, щедро разбрасывая гранатовые отблески по облакам и мокрому каменистому берегу. В воздухе прошуршала первая летучая мышь. Мальчик поднял голову к небу и проследил за ней. Высоко в небе вспыхнула звезда, за ней вторая и ещё, и ещё… Тёплые порывы ветра доносили запахи полыни и далёкие голоса. Изредка слышался гудок корабля на рейде. С места, где сидел Андрей, порт не был виден, но два корабля маячили у самой кромки горизонта, а из-за скалистого мыса выходил третий. Андрей подумал, что если бы у него был бинокль, то он смог бы разглядеть матросов, а так… Незаметно село солнце, и только узенькая багровая полоска ещё тлела над морским изломом, подсвечивая горизонт. Тьма всё больше накрывала пространство, и уже в море засверкали огни кораблей, дополняя небесную россыпь. Маяк, как пропеллер, красным и белым лучом резал сумрак надвигающейся ночи… Андрей нехотя встал – надо было идти домой: «Мама, наверное, меня уже искала…»

Каменистая прибрежная полоса утопала во тьме, и только свет дорожных фонарей обозначал детали кустов, камней и неровности грунта. Спотыкаясь о камни и попадая в расщелины, мальчик направился к дороге, опустевшей от машин, он торопился. На всякий случай быстро перебежав дорогу, поспешил домой…

Вот и дом. И уже взбегая по лестничным ступеням, Андрей замер и прислушался. Из-под лестницы слышался слабый мяукающий голосок...

Мальчик быстро сбежал вниз и присел.

— Кис-кис… кис-кис… ну где ты? Кис… — из мрака вынырнул пушистый комок. И хрипло: — мяууу…



Обычный рыжевато-полосатый зверёк, каких пруд пруди.

— Ты один... И тебе скучно… Мявка, хочешь есть? Иди ко мне… — Андрей взял котёнка на руки, — пошли к нам домой, мявка, я тебя покормлю…

С котёнком на руках мальчик вбежал по ступеням на второй этаж. И остолбенел – на галерее стояла мама

и смотрела на него…

— Я тебя звала… и хотела идти искать уже. Пошли домой. Котёнок?

— Мам, извини, я заигрался…. А это… Васька… Можно? Он сам меня выбрал.

— Заходи!

Мальчик юркнул в приоткрытую дверь. В прихожей посадил котёнка на пол, присел на корточки и начал развязывать шнурки…

— Опять кошки!

Андрей увидел перед собой ноги в тапочках и, подняв голову, взглянул на отца.

— Пап, можно? Он хороший…

— Нет! Хватит! Кто за ним будет ухаживать? Ты? Или опять я? Нет, нет и нет! Давай, быстренько забирай его отсюда… И… неси… где взял.

— Пусть поест сначала, — вступилась за Андрея мама. – А потом отнесёт…

— Вот отнесёт – тогда и поест! – Отрезал папа и, развернувшись, ушёл в комнату. Давая понять, что решения он своего не изменит и разговор окончен.

Мама вздохнула:

— На, возьми хлеба, дашь ему… там… Иди и побыстрей! Отнесёшь – купаться и спать.

Андрей поднял котёнка, взял хлеб и, не завязывая шнурков, вышел из квартиры. Галерея пуста, улица – тоже. Лампочки галереи тускло светили, из-за чего вокруг было всё оранжевого оттенка, и лишь придорожные фонари изливали яркий, белый свет, освещавший дорогу, кусты, деревья и дома. Мальчик посмотрел на котёнка, которого прижимал к груди. Тот мурлыкал и терся о неё головой. Андрею стало обидно

и жалко себя, котёнка… на глазах навернулись слёзы… Он присел возле квартиры, прислонившись спиной к бетонному столбу. Опустил на пол рыжий мяукающий комок. Посмотрел на хлеб в руке. Отломил кусочек и предложил котёнку. Посмотрев, как тот жадно в него вгрызся, отломил ещё… Повертел оставшееся в руке, рассматривая и размышляя: оставить котёнку или…. Голод взял верх над размышлениями, он отломил себе маленький кусочек, потом ещё… Хлеб оказался таким вкусным, что Андрей подумал: он хочет ещё такого же и готов поменять свои любимые печенья на такой же кусочек хлеба.

Шло время. Рыжий Васька свернулся калачиком на коленях и мурлыкал свою кошачью песню. Ноги у мальчика затекли, но он не хотел шевелиться, чтоб не беспокоить Ваську. Обеспокоенная мама выглянула в поисках сына.

— Ты чего здесь сидишь? – с удивлением произнесла она. – Андрей, относи и заходи в дом…

Сын ничего не ответил, лишь упрямо покачав головой.

— Ладно… Пойду поговорю с отцом, – мама вновь закрыла дверь. И через некоторое время, выглянув:

— Нет, дорогой, относи его!

— И долго ты собираешься тут сидеть? – Раздался голос папы. Он вырос за маминой спиной, грозно глядя на сына:

— Ну и чего молчим?

— Я буду за ним ухаживать… можно?

— Нет, нет и нет! Ты так уже говорил, а выгуливал твоего кота я. К тому же скоро ты уедешь на каникулы. И? Нет.

— Тогда я буду здесь… с ним сидеть! – Заупрямился Андрей.

Родители переглянулись. Папа, пожав плечами, сказал сыну:

— Сиди… может, что высидишь, но я не передумаю. И потому лучше иди спать… в дом!

Андрей ничего не ответил. Папа развернулся и ушёл. Мама укоризненно глядела на сына. На его упрямую стриженую голову… Она вышла к нему на галерею, стояла и молчала.

— Ну… может, хватит?! И пошли уже отнесём его вместе?

— Не дам, – и Андрей крепче прижал к себе по-прежнему мурлыкающего и ничего не подозревающего рыжего Ваську.

Мама, вздохнув, погладила сына по голове и зашла в квартиру. Мальчик и котёнок остались одни. Слёзы наворачивались на глаза, но Андрей крепился, не давая им катиться неудержимым потоком. Но одна всё же упала на рыжую шерстку. Андрей прикрыл её рукой, будто стыдясь своей слабости. Рыжий Васька потянулся, зевнул и, посмотрев на Андрея, вновь свернулся и замурлыкал. Тепло рыжего товарища по несчастью и его мурлыканье убаюкали и Андрея.

— Эй… Э-эй! Андрейка! Спишь, что ли? Ты чего здесь сидишь? А? Случилось что?

Андрей открыл глаза и непонимающим взглядом уставился на человека, его разбудившего.

— А… Марат… — протянул Андрей, — привет!

— Что случилось с тобой?

— Папа котёнка не разрешает… А он мне нравится…

— Понятно… — протянул Марат. — Как долго сидишь?

— А сколько сейчас?

— Начало двенадцатого…

— Тогда — недолго. Я пришёл, было уже темно… Сидел на скале, смотрел закат… Мы с тобой там были и… твоей невестой – Гульмирой.

— Скажешь тоже… невестой, — хмыкнул Марат.

На голоса выглянула мама:

— Здравствуй, Марат! Ну… тебе ещё не надоело? Нет? Ладно…

И дверь вновь закрылась. Марат оперся о перила руками и, слегка наклонившись, смотрел куда-то на крышу.

— Смотри… Туман ползёт – уже крыши укутал. Завтра море будет холодным.

Андрей встал, потряхивая ногами.

— Что, ноги затекли? Скоро туман расползётся, и по галерее тоже, будет холодно. Шёл бы ты домой, Андрей!

— Марат, а тебе нужен котёнок? Смотри, какой хорошенький…

Марат погладил котёнка на руках у Андрея:

— Нет, брат, извини… Мне некогда следить за ним. Кто бы за мной следил…

— Жаль… — Протянул Андрей, вздыхая.

— Хочешь, принесу печенья? Твои любимые. Будешь? Сейчас…

И Марат зашёл к себе в квартиру. Он был их соседом, жил рядом в такой же двухкомнатной, как у них, но один. Просторно у него…

— На, держи, — протянул Марат мальчику рас-

крытую пачку печенья. – Жуй! И иди домой. Я тоже пошёл, извини, посидел бы тут с тобой, но хочу спать. Это твоя война, воин. Воюй, если так хочется, а я спать. Пока!

Громко в наступившей тишине щёлкнул замок в двери соседа. Андрей посмотрел вверх. Тянучки тумана ползли по крышам и кронам деревьев, но вниз не спускались. К дому подъехало такси, и из машины вышла пара.

— Пока-пока… до завтра, миииилый! — Поцеловались. Мужчина сел обратно в такси, а её каблучки зацокали по ступеням.

— Пока-пока… миииилый… — передразнил их мальчик. На кухне включился свет. Андрей хотел подойти к окну и взглянуть, кто там, но тихо приоткрылась дверь. И мама шёпотом: «Заходи быстро… Папа уснул».

И на немой вопрос сына:

— Завтра поговорим… с папой. Пошли, хватит уже… Упрямец… Ты кушать будешь? Мыться? Тоже нет?! Ну, ты молодец…

— Я пить хочу!

Мама подождала, пока сын напьется.

— Иди, постель расстелена. Иди, иди – я выключу свет.

В комнате у детей горела красная лампа-ночник. Кровати их стояли по сторонам окна, а по центру, меж ними, письменный стол с круглым аквариумом. Андрей посадил котёнка на стол, быстро разделся и юркнул в постель, прихватив котёнка. Прижал его к себе, погладил и накрыл с головой простынёй.

— Чтоб папа не ругался, я тебя заберу с собой… на каникулы к бабушке… — сказал шёпотом мальчик.

Рыжий Васька спал на кровати в ногах. Простыня наполовину сползла на пол.

В раскрытое и затянутое сеткой окно бились ночные мотыльки, трепеща мохнатыми крылышками. Молодой тополь за окном шумел кроной, убаюкивая и погружая всё глубже в сон. Мальчику снились солнечные сны, и он улыбался.

2005г.

рекламный

модуль

СОДЕРЖАНИЕ

О ПОВЕСТИ 3

ПОВЕСТЬ

Из Шевченко в Астрахань 5
Нежданный гость 12
Пляж 18
Русский казах 22
Бросок через бедро 25
Вниз по Волге 31
Внучок приехал 38
Карга 54
Старый корабль 77
Разговор по душам 86
Пашкино 97
Брезентовый парус 109

РАССКАЗ

Мальчик, котёнок и ночь 132

рекламный

модуль

рекламный

модуль

Литературно-художественное издание

Игорь Викторович Братченко
Брезентовый парус или каникулы в Астрахани
проза, повесть

Художник:
Александр Евгеньевич Дорощук

Редакторы:
Вера Ивановна Саградова,
Николай Анатольевич Пономарёв

Подписанно к печати 00.00.2019 г.
Формат 60Х84 1/16.
Печать офсетная.
Тираж 0000 экз. Заказ №

Отпечатанно с готового оригинал макета
ЗАОр НПП «Джангар», Республика Калмыкия,
358000 г. Элиста, ул. Ленина, 245